

Анатолий Головкин

**ДЕРЕВЕНСКИЕ
НЭПМАНЫ**

Анатолий Головкин
Деревенские нэпманы

«Издательские решения»

Головкин А.

Деревенские нэпманы / А. Головкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691525-1

Книга «Деревенские нэпманы» повествует о коротком периоде проведения новой экономической политики (НЭП) в 1921–1928 годах, о деревенских нэпманах, которых советская власть отнесла к классу кулаков, с последующим их раскулачиванием и коллективизацией крестьянских хозяйств. В противовес созданному советской властью и годами пропагандируемому термину «кулачество», автор вводит понятие «деревенские нэпманы» с указанием их признаков, в отличие от кулаков-ростовщиков.

ISBN 978-5-00-691525-1

© Головкин А.
© Издательские решения

Содержание

Анатолий Головкин	6
Деревенские нэпманы	7
Введение	8
Глава I. От продразверстки к единому сельхозналогу	12
Продразверстка (1918—1921 годы)	12
Проведение продразверстки в тверской деревне	18
Провозглашение новой экономической политики (1921 год)	22
Виды натурального продовольственного налога	25
Переход от натурального налога к денежному налогу (1923 год)	28
Введение в действие единого сельхозналога (1924 год)	33
Конфискация земли и имущества	36
Глава II. Тверская деревня в годы НЭПа	42
Положение тверской деревни в 1922—1923 годах	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Деревенские нэпманы

Анатолий Головкин

© Анатолий Головкин, 2026

ISBN 978-5-0069-1525-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатолий Головкин

Деревенские нэпманы

Книга «Деревенские нэпманы» повествует о коротком периоде проведения новой экономической политики (НЭП) в 1921—1928 годах, о деревенских нэпманах, которых советская власть отнесла к классу кулаков, с последующим их раскулачиванием и коллективизацией крестьянских хозяйств.

В противовес созданному советской властью и годами пропагандируемому термину «кулачество», автор вводит понятие «деревенские нэпманы» с указанием их признаков, в отличие от кулаков-ростовщиков.

Введение

В предыдущих книгах о тверских карелах я писал об истории и жизни карел на основе материалов, полученных из архивных источников, документов, воспоминаний очевидцев и других первоисточников. Пытался осветить многие факты, начиная от рождения карельской нации в IX веке на Карельском перешейке и Приладожье, и до начала XXI века уже на тверской земле. История карельских деревень Тверской губернии и их жителей неразрывно связана с русским населением, с которым они проживали рядом, своими деревнями, или совместно с ними в одной деревне.

Но остались неизученными еще «белые пятна» в истории тверских карел, одно из них – короткий период их жизни, так же, как и русского населения, во время объявленной советской властью новой экономической политики (НЭП) в 1921—1928 годах, последующего за ней раскулачивания и коллективизации крестьянских хозяйств в 1929—1932 годах.

Обучаясь в школе и институте, о времени НЭПа мы могли судить лишь по плакатам с критикой советского *городского* буржуа. На тех же плакатах мы видели крестьянина за работой: он пашет плугом или сохой землю, бросает из лукошка в нее зерна или молотит цепом хлеб нового урожая. Но тогда не было, и до сих пор нет понятия «деревенский нэпман», было и есть другое насаждаемое нам понятие – «кулак».

Задача кулака-ростовщика – заработать деньги путем скупки и перепродажи хлеба, скота и сельскохозяйственных продуктов на выгодных для себя условиях, то есть путем спекуляции, или выдачи ссуды под большие проценты, то есть в рост.

Главная задача *деревенского нэпмана*, как любого другого крестьянина, была – прокормить, одеть и обуть свою семью, при возможности дать образование детям. Деревенские нэпманы часто безвозмездно помогали бедным семьям продуктами питания, использованием теми молотилок, сеялок и других сельскохозяйственных машин, лошадей для пахоты, сева и уборки урожая. Они хорошо уживались со своими соседями, понимая, что в деревне все на виду, каждый житель все знает о жизни других.

Благодаря трудолюбию, знаниям, опыту и предприимчивости хозяйственных крестьян, после первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 года, Гражданской войны, нищеты и разрухи поднималось сельское хозяйство, ремесла и торговля в деревне. Зажиточные крестьяне составляли конкуренцию коммунам, потребительской кооперации и неповоротливым государственным структурам, невольно заставляя их работать более активно.

Чем дальше я исследовал тему деревенских нэпманов, тем больше вопросов у меня возникало. Основной вопрос заключается в том, каким способом крестьянами в деревне было приобретено богатство – напряженным трудом или ростовщицеством и спекуляцией?

Почему, провозглашая лозунг «Земля – крестьянам!», и тем самым приблизив к себе крестьян, которые и обеспечили на местах победу советской власти, большевики сразу же, одним из первых своих декретов, изъяли у них из собственности землю, установив государственную монополию на нее?

Почему советская власть, провозглашая и всячески поддерживая государственную и коллективную собственность, через четыре года после Октябрьской революции все-таки провозгласила новую экономическую политику (НЭП), и вновь вернулась к частной собственности?

И самый главный вопрос: как так оказалось, что врагами советской власти стали те, кто кормил и одевал эту самую власть?

Ответы на эти вопросы заключаются в политике коммунистов, когда возникло сильнейшее противоречие между объективным экономическим ростом сельского хозяйства и политической программой большевиков *на коллективизацию деревни и раскулачивание зажиточных крестьян*. Партия большевиков поставила перед собой задачу построения социализма,

экономической основой которого, по их идеологии, являлась только общественная собственность на средства производства, исключая любую частную собственность на них.

Одновременно советская власть, вопреки вековым традициям и обычаям, после Октябрьской революции 1917 года, резко отказалась от местного самоуправления в деревне. Она добивалась выхода крестьян из деревенских общин, искусственно раслаивая деревенских жителей на бедняков, середняков и кулаков. Большевики добивались изменения управления в деревне с помощью вооруженной силы, декретов и предписаний, отучая крестьян от общинной самостоятельности, и попирая права, данные им в ходе крестьянских реформ второй половины XIX века и начала XX века.

Сразу после Октябрьской революции 1917 года большевики, захватив власть, установили государственную монополию на хлеб, *превратив его в оружие классовой борьбы*. Они запретили крестьянам самим продавать хлеб, а рабочим и другим гражданам страны – его покупать. Были созданы вооруженные продовольственные и заградительные отряды из рабочих, матросов и солдат, которые силой забирали у крестьян все «излишки» хлеба, порою оставляя их самих на голодную смерть.

Проводя продразверстку, продовольственные отряды из городов одновременно устанавливали советскую власть на местах, сажая в руководство сельскими и волостными советами представителей деревенской бедноты. После принятия декрета «О земле» во многих деревнях усилились стихийные захваты и переделы земли, а также помещичьего, монастырского и церковного имущества.

Созданным в июне 1918 года комитетам деревенской бедноты (комбедам) поручалось проводить отчуждение земель и имущества. Комбеды делили помещичьи, церковные, монастырские земли и оставшееся после грабежей имущество бывших хозяев, а также земли хуторян, зажиточных крестьянских семей и их отруба. Одновременно комбеды, вместе с продовольственными отрядами, изымали у богатых крестьян так называемые «излишки» хлеба.

Период времени насильственной реквизиции хлеба с 1918 по 1921 годы, получил название «военного коммунизма». ***Насильственная продразверстка*** вызвала недовольство крестьян советской властью. Массовые крестьянские волнения прокатились по всей стране, особенно активно выступали против продразверстки, и вообще против советской власти, крестьяне Дона, Кубани, Поволжья, Сибири, Тамбовской губернии и Украины. Против коммунистов поднялись матросы Кронштадта, которые в большинстве своем были выходцами из крестьян и выражали интересы крестьянства.

Любую революцию всегда сопровождают разрушения, хаос, бедность, доходящая до нищеты, грабежи, разбои и другие преступные проявления. Эти все негативные явления в России усугубились потерями в первой мировой войне, а позднее – в Гражданской войне. По некоторым данным, человеческие потери, вместе с эмиграцией, в общей сложности за годы войны составили около 16 млн. человек. После окончания Гражданской войны советская страна лежала в руинах, производство товаров промышленности и продуктов сельского хозяйства резко упало.

На X съезде РКП (б) в марте 1921 года была провозглашена новая экономическая политика (НЭП), которая продолжалась чуть более 7 лет до октября 1928 года. Главной целью НЭПа было снятие социальной напряженности в стране, предотвращение дальнейшей разрухи в промышленности и сельском хозяйстве.

С того времени *продразверстка была заменена натуральным продовольственным налогом*, который крестьяне вносили различными видами продукции, установленными отдельными декретами советской власти. Позднее натуральный продовольственный налог был заменен *единым сельскохозяйственным налогом*, который выплачивался в денежном выражении.

В период проведения в СССР новой экономической политики были претворены в жизнь ее основные элементы:

- продразверстка заменена натуральным продовольственным налогом, затем – единым сельскохозяйственным налогом;
- мелкие и некоторые средние национализированные предприятия вновь были переданы от государства в частные руки;
- разрешена частная торговля излишками сельскохозяйственной продукции и кустарными изделиями;
- в октябре 1922 года новым Земельным кодексом было закреплено право выхода крестьян из сельской общины. Разрешена в ограниченном виде передача земли в аренду и применение наемного труда в сельскохозяйственном производстве;
- отменена трудовая повинность;
- проведена денежная реформа с введением твердой денежной единицы – золотого червонца. Кроме него в обращение были выпущены казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей, чеканились разменные серебряные и медные монеты.

Вводя новую экономическую политику (НЭП), руководители коммунистической партии и советское правительство ставили задачу развития промышленности в стране за счет деревни. Они взвинтили цены на изделия неразвитой еще промышленности и одновременно резко снизили цены на продукцию сельского хозяйства, умышленно образовав так называемые «ножницы цен». Советское руководство ставило задачу не в том, чтобы брать с крестьянина меньше, чем брали при капитализме, а в том, чтобы брать с них еще больше. Развитие частной собственности во время НЭПа, по мнению коммунистов, являлось отступлением от идей социализма, на что они были вынуждены пойти.

Спекуляция, обогащение, мошенничество, праздный образ жизни во времена НЭПа бурно расцветали в городах. В этой книге речь пойдет о деревне, где подобные явления наблюдались редко, а разумных, трудолюбивых, умелых зажиточных крестьян отнесли к «кулакам», объявив их «классовыми врагами пролетариата и советской власти».

Дав возможность крестьянам некоторое время в годы НЭПа вести частную торговлю, сдавать землю в аренду и нанимать рабочую силу, обогащаться за счет увеличения поголовья скота и площади посевов, за счет развития ремесел и промыслов, советская власть впоследствии изуверски поступила с самыми трудолюбивыми хозяевами, направив многих из них в лагерь или ссылку на Урал, в Сибирь, Казахстан и на Север.

Советские писатели в своих статьях и книгах сообщали читателям о нравственном разложении кулаков, об эксплуатации кулаками бедняков, но они не сумели или не хотели отличать немногочисленного деревенского «кулака-мироеда», кулака-ростовщика от значительной массы середняков и зажиточных крестьян.

Они называли работу раскулаченных крестьян, проводимых в ужасных условиях на строительстве Беломорканала, «подвигом чести и славы, подвигом доблести и геройства, обычным в советской стране». А массовую гибель ни в чем неповинных людей от голода и стужи – системой «перековки» людей, которую «впервые так смело и в таком широком объеме применили при строительстве Беломорканала».

В постсоветской литературе по-прежнему пишут, что главной ценностью советских нэпманов было богатство. Что сначала на лесоповал отправляли нэпманов, а за ними кулаков и середняков. Как бы ни так? Надо бы различать городских нэпманов, кулаков и зажиточных крестьян. Городских нэпманов массово не направляли на лесоповал, их судили суды в индивидуальном порядке и за конкретные преступления, а не президиумы сельских советов и тройки райисполкомов массово, как это было в отношении крестьян. Большинство городских нэпманов были устроены работать в торговых и снабженческих советских организациях, а вот деревенских нэпманов выселили из своих мест и направили на лесоповал.

Почему в городе мелкий торговец, мелкий промышленник и ремесленник – это «нэпманы», а в деревне – «кулаки»? К кулакам порою относили даже тех крестьян, которых голод и лишения привели к занятиям торговлей или ремеслами.

Эти постсоветские авторы не смогли или не захотели отличить зажиточного крестьянина-хлебороба или крестьянина-ремесленника от кулака-ростовщика, лично не занимавшегося сельским хозяйством, постоянно эксплуатировавшего чужой труд или дававшего крестьянам хлеб в долг под большие проценты. В продолжение идеологии, поддерживаемой в свое время советскими писателями, некоторые постсоветские авторы так и не поняли разницы между городскими нэпманами, наживавшими богатство на обмане и спекуляции, и зажиточными крестьянами, имевшими достаток за счет своего тяжелого ежедневного труда.

Кто-нибудь из этих писателей пробовал вспахать лошадью с плугом хоть одну сотку земли, а тем более – сохой?

О жизни крестьян может более достоверно написать тот, кто жил в деревне, месил сапогами грязь, кто работал в поле, кто пахал землю плугом. Основные технологии земледелия и ремесел, вместе с инструментами, орудиями и сельскохозяйственными машинами были перенесены из 1920-х годов в 1950-1960-е годы. Проживая в деревне, я имел возможность все это наблюдать, запоминать, чтобы через 55—60 лет описать в книге.

В этой книге я хотел показать, что именно крестьяне, занятые сельским хозяйством, деревенские ремесленники, торговцы, владельцы мелких промышленных предприятий и сельскохозяйственных машин накормили после первой мировой войны, Октябрьской революции и Гражданской войны голодную страну и давали тогда необходимые для сельской жизни промышленные товары в своих мелких предприятиях.

Достоверность мыслей и фактов, изложенных в этой книге, основана на материалах декретов и других нормативных актов высших органов советской власти, стенографических отчетов съездов и конференций коммунистической партии большевиков, а также на архивных документах, хранящихся в Тверском центре документации новейшей истории (ТЦДНИ).

Чтобы не утонуть в массиве информации из архивных документов и материалов, я написал о временах НЭПа на примере жизни русского и карельского населения Бежецкой и Сулежской волостей Бежецкого уезда Тверской губернии. Жизнь крестьян в других волостях и уездах Тверской губернии, да и в других центральных губерниях РСФСР, проходила подобным образом, о чем наглядно свидетельствуют сводки ОГПУ и другие документы.

К каждому параграфу привожу высказывания руководителей Советского государства, коммунистической партии и видных деятелей на партийных съездах, конференциях, в письменных трудах о продразверстке, НЭПе и коллективизации, а также цитаты из документов.

Глава I. От продразверстки к единому сельхоззналогу

*«Ради бога, хлеба, хлеба и хлеба! Иначе Питер может околеть.
Ради бога». В. И. Ленин.*

Продразверстка (1918—1921 годы)

Сразу же после Октябрьской революции, в конце ноября 1917 года, советская власть стала создавать вооруженные отряды для реквизиции

хлеба у крестьян. В ноябре-декабре 1917 года крестьяне еще могли свободно продавать хлеб на рынках и базарах по ценам, утвержденным Временным правительством 25 марта 1917 года, хотя самого того правительства уже не существовало. Так продолжалось до создания вооруженных продовольственных и заградительных отрядов, которые *действовали на праве силы*, так как какой-либо правовой базы для их деятельности еще не существовало.

Первые продовольственные отряды, по указанию главы Советского государства В. И. Ленина, были образованы из матросов Кронштадта по 5—10 человек в отряде. Каждому отряду были приданы по 10 питерских рабочих, по мере формирования отрядов они направлялись в губернии для изъятия хлеба у крестьян. Матросам было дано указание, что если не удастся получить хлеб путем убеждения, он должен быть реквизирован силой.

1917 год. К 20 ноября 1917 года в составе продовольственных отрядов в разные губернии направили свыше 7 тысяч матросов и питерских рабочих. Во главе каждого отряда был поставлен комиссар, сначала назначаемый Петроградским комитетом большевистской партии.

С 8 декабря 1917 года продовольственные отряды были переподчинены от Петроградского военно-революционного комитета Народному комиссариату продовольствия. Ситуация в стране с хлебом была критическая. В январе 1918 года в Петроград ежедневно поступало по 13 вагонов с хлебом из 30 вагонов, необходимых при самой низкой потребности по 250 грамм на едока в день.

15 января 1918 года В. И. Ленин телеграфировал в Харьков направленным туда народным комиссарам В. А. Антонову-Овсеенко и Г. К. Орджоникидзе: «Ради бога, принимайте самые энергичные и революционные меры для посылки хлеба, хлеба и хлеба! Иначе Питер может околеть. Ради бога» [1].

24 декабря 1917 года ВЦИК и Народный комиссариат продовольствия РСФСР направил письма во все губернии с поручением местным органам власти об организации продовольственных комиссий при советах. На комиссии возлагалась задача контроля над всеми местными продовольственными организациями, включив в них своих представителей в качестве равноправных членов [2].

1918 год. 22 июля 1918 года Совнарком РСФСР принял декрет «О спекуляции», по которому виновные в сбыте, скупке или хранении с целью сбыта продуктов питания, подвергались наказанию не ниже 10 лет лишения свободы, соединенного с тягчайшими принудительными работами и конфискацией всего имущества [3].

Твердые цены на хлеб, которые первоначально предлагала крестьянам советская власть, были такими мизерными, ниже свободных рыночных цен в 15—20 раз, что деревне они были явно невыгодны. Крестьяне прятали хлеб в ямы, но не продавали его государству по твердым закупочным ценам. В обмен же на хлеб и продукты питания, рабочие ничего не могли предложить крестьянам из промышленных товаров, так как фабрики и заводы стояли. Положение с хлебом особенно обострилось весной 1918 года, когда наиболее богатые хлебные губернии

находились в руках белой гвардии. На имя наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, во ВЦИК и Совнарком поступали сообщения о крайней нужде в хлебе из многих городов.

Борьба за хлеб превращалась в борьбу за сохранение советской власти, которая решила забирать хлеб у крестьян силой. В мае 1918 года начался массовый поход вооруженных продовольственных отрядов из рабочих в деревню, и создание там своих вооруженных отрядов из бедноты для изъятия у крестьян хлеба.

Выступая 9 мая 1918 года на заседании ВЦИК, Нарком продовольствия А. Д. Цюрупа докладывал: «Нами организуются продовольственные отряды, в задачи которых входит отбирание у задерживающих и не отдающих хлеб кулаков и богатеев. Эти продовольственные отряды посылаются не только в целях взятия и реквизиции хлеба, но и в целях, что появление их должно показать населению, что хлеб будет взят силой. Появление отрядов должно стимулировать и побуждать к сдаче хлеба не только в тех местностях, где эти отряды появились, но и в ближайших местностях».

Продразверстка была введена уже официально, на государственном уровне. Декретом, утвержденным ВЦИК 13 мая 1918 года, Наркомату продовольствия предоставлялось право *применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отобранию излишков хлеба или иных продовольственных продуктов*. Все местные продовольственные органы были выведены из-под контроля губернских советов и подчинены непосредственно Народному комиссариату продовольствия.

Расчеты советской власти на то, что крестьяне, имевшие излишки хлеба, добровольно будут передавать его государству по твердым установленным ценам и на основе товарообмена, не оправдались. В результате передела земельных участков в 1918—1919 годах, многие зажиточные крестьяне отличались от бедноты только сытостью членов семей, но уже не имели таких излишков хлеба, какие были у них до революции.

29 мая 1918 года Совнарком обратился с воззванием к рабочим и беднейшим крестьянам: «Скорее формируйте вооруженные отряды из выдержанных и стойких рабочих и крестьян, не поддающихся никаким соблазнам, и вполне дисциплинированных».

11 июня 1918 года ВЦИК утвердил декрет о создании «комитетов бедноты». Было вполне очевидно, что собственными силами деревенская беднота не сможет собрать хлеб у других крестьян, поэтому в помощь ей из городов продолжали подходить вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. Они должны были наладить в деревне работу комитетов бедноты и оказать им содействие в изъятии хлебных запасов у крестьян.

Вооруженный отряд рабочих, солдат и матросов, прибыв в деревню, созывал сход деревенской бедноты и бывших фронтовиков. Из них избирался комитет бедноты, которому поручалось пройтись по деревне и изымать огнестрельное оружие. Этим оружием вооружить членов комитета бедноты, батраков и малоимущих граждан. Всем этим вооруженным людям давали инструкцию, какими способами проводить реквизицию хлеба у односельчан.

Очевидцы подтверждали тот факт, что без помощи прибывшего из города вооруженного отряда местные бедняки не смогли бы сами создавать комитетов бедноты и укреплять советскую власть на местах. Вооруженные отряды изгоняли из сельских, волостных и уездных советов всех, кого они считали меньшевиками, эсерами, кулаками, деревенской буржуазией, а на их место сажали представителей бедноты.

Советская власть делала ставку на батрацких сыновей, записывая их в комсомол, в комитеты бедноты и продовольственные отряды. Им поручалось узнавать, у кого, где и сколько припрятано хлеба, составлять списки бедняков, середняков и кулаков. Нередко именно грамотных комсомольцев ставили председателями и секретарями сельсоветов.

Советское государство установило монополию на хлеб, никто не имел права продавать его, а только должен был отдавать государству по твердым закупочным ценам, которые были значительно ниже рыночных цен. Против крестьян, пытавшихся провезти хлеб на рынок,

в составе продармии сформировали специальные заградительные отряды. Жители городов десятками тысяч устремились в деревню за хлебом, обменивая его на товары, или покупая за деньги по невероятно высоким ценам. Но в пути заградительные отряды признавали их спекулянтами и мешочниками, и весь хлеб, доставшийся горожанам непомерными усилиями, отбирали.

3 августа 1918 года Совнарком РСФСР утвердил «Положение о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах», действовавших на железнодорожном транспорте и водных путях. Этим отрядам предписывалось проводить осмотр провозимого пассажирами багажа и грузов. Право осмотра распространялось на пассажирские, служебные вагоны и паровозы. Осмотру подвергался весь груз и весь ручной багаж пассажиров. В случае крайней необходимости поезд или пароход могли быть задержаны на время до одного часа.

Было разрешено одному пассажиру провозить продовольственных продуктов не более 20 фунтов (9 кг – А.Г.), из них масла до 2-х фунтов (900 грамм – А.Г.), мясных продуктов до 5 фунтов (2 кг. 270 грамм – А.Г.). В набор продуктов ни в коем случае, и ни в каком количестве не могли входить мука и зерно.

Все излишки свыше общей нормы в 20 фунтов, подлежали реквизиции. На реквизируемые продукты начальник отряда выписывал квитанцию с указанием количества реквизируемых продуктов. Органы, принявшие продукты, должны были оплачивать по квитанциям стоимость их по твердой установленной цене. Но обесцененные деньги никакой роли для голодных людей не играли.

В связи с уборкой нового урожая 1918 года политическим комиссарам продовольственных отрядов была выдана подробная инструкция по проведению продразверстки. Нередко комиссарами продовольственных отрядов были рано повзрослевшие мальчишки 18—20 лет – грамотные молодые рабочие или недоучившиеся студенты, вступившие в партию большевиков. Среди них было немало латышей, евреев и поляков. Молодые коммунисты в возрасте 25—26 лет считались уже зрелыми людьми и занимали должности председателей волисполкомов, уездных исполкомов, а то и губернских исполнительных комитетов.

В направленной во все губернии депеше Народного комиссара продовольствия В. П. Милютина указывалось, что заградительный отряд должен иметь не менее 75 бойцов и 3 пулемета. Прибыв в деревню, политический комиссар отряда предлагал избрать комитет бедноты, а населению – сдать оружие, часть которого отряд оставлял себе. Продовольственные агенты переписывали запасы хлеба во всех хозяйствах, оставляя часть его семье на пропитание и семена.

Отобранная у крестьян часть излишков хлеба передавалась созданному местному комитету бедноты, другая часть вывозилась на ссыпные пункты и склады. Для дальнейшего наблюдения распоряжений по реквизиции хлеба в деревне оставались 1—2 инструктора и 15—20 бойцов отряда, остальные переходили в соседнюю деревню, где действовали подобным образом, как и в предыдущей деревне.

Излишки хлеба принимались от населения по твердым установленным ценам, у скрывающих хлеб крестьян он отбирался бесплатно. Необмолоченный хлеб обмолачивался на месте, путем мобилизации у крестьян молотилок и привлечения к обмолоту бедняков. Для гужевого вывоза хлеба мобилизовались лошади и крестьяне за плату по нормам комитета продовольствия.

Противодействующие хлебной монополии мешочники и растратчики хлеба арестовывались и отправлялись в губернскую комиссию по борьбе с контрреволюцией. После извлечения излишков хлеба отряд покидал деревню и сообщал в губернский продовольственный комитет, сколько хлеба отчислено беднякам и сколько сдано на ссыпные пункты [4].

Одновременно 3 августа 1918 года Совнарком РСФСР издал декрет «Об уборочных и уборочно-реквизиционных отрядах», основными задачами которых были:

- уборка озимых хлебов с полей бывших помещичьих экономий;
- уборка хлебов в прифронтовых местностях;
- уборка хлебов с полей заведомых кулаков и богатеев;
- в содействии своевременной уборки всех хлебов вообще, и ссыпка всех излишков в государственные склады.

Собранный хлеб этими отрядами распределялся в первую очередь бедняцким слоям местного деревенского населения. Эта часть хлеба не подлежала вывозу и оставалась на месте. Остальной хлеб подлежал немедленной и безусловной сдаче в ссыпные пункты. Члены уборочных отрядов вознаграждались довольствием натурой, денежным вознаграждением и особой премией за успешное и быстрое окончание работ по уборке и ссыпке хлеба.

Таким образом, декретом Совнаркома РСФСР от 3 августа 1918 года к заготовке хлеба в деревне привлекались рабочие городов, которым было предоставлено право, организовывать продовольственные отряды вместе с деревенскими бедняками. Эти продовольственные отряды направлялись в поездки в хлебные губернии для приобретения по твердым ценам и реквизиции у кулаков хлеба. Половина заготовленного хлеба направлялась в посланную отряд губернию, другая половина хлеба оставлялась на месте заготовок и передавалась в распоряжение Народного комиссариата продовольствия.

При попытке со стороны рабочих отрядов покупать хлеб выше твердых цен или уклониться от контроля продовольственных органов, весь заготовленный хлеб у отряда отбирался. Начальник и члены отряда, уличенные в нарушении закона, передавались в распоряжение ближайшей ЧК. Одновременно добровольцы-рабочие, отправляющиеся в продовольственные отряды, сохраняли за собой места на фабриках и заводах, наравне с теми, кто отправлялся на фронт [5].

Борьба советской власти с крестьянством за хлеб привела к тому, что в Петрограде за август 1918 года в течение 10 дней хлеб не выдавали совсем, рабочие в те дни не получили ни ломтя хлеба. Рабочие писали в центральные органы, что хлебопекарни закрыты, приюты и детские столовые закрыты, взрослые и дети бродили по улицам за подающими, как тени. Во имя всех человеческих законов они проклинали тех, кто хлеб избрал оружием политической борьбы.

Произведя реквизицию хлеба у крестьян, вооруженные отряды рабочих половину его отправляли своим предприятиям, часть передавали деревенской бедноте, другую часть – государству, направляя хлеб на ссыпные пункты. Членам вооруженных продовольственных отрядов раздавали памятку, в которой писали: «Учитывая отсталость деревни, нужно путем бесед, речей на собраниях, сходах, путем устного и печатного слова помочь деревенской бедноте освободиться от векового влияния ее врагов: кулаков-мироедов, богатеев, жиреющих на народном недоедании и горе, и тех жрецов-служителей православной и другой церкви».

Декретом Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1918 года рабочим продовольственных отрядов было предоставлено право, кроме хлеба, закупать у крестьян по твердым государственным ценам: молоко, сметану, творог, овощи, живую и битую дичь, грибы, плоды, мед. Из них 25% передавалось органам Наркомата продовольствия, а 75% продуктов оставались в распоряжении рабочих продовольственных отрядов.

Крестьяне категорически отказывались сдавать хлеб продовольственным отрядам по твердым закупочным ценам, хотели продавать его по вольным ценам. Они заявляли рабочим, что продадут хлеб по той цене, которую сами установят. В ответ на эти заявления продовольственные отряды проверяли порою повально все домохозяйства, чтобы отыскать хлеб, который крестьяне закапывали в землю, прятали в лесу, скирдах сена и соломы и других местах.

Продотряды при обысках проверяли чердаки, подвалы, скирды сена и соломы, металлическим прутом прощупывали землю в огородах в поисках ям и тайников. Забирали зерно,

муку, картофель и мясо, а позднее – «излишки» других продуктов, выращенных в огороде и на подворье. Уходили одни продотряды, а через некоторое время появлялись другие отряды, проверяя, не много ли зерна хозяин оставил для прокормления семьи и для посева.

Нередко представители деревенской бедноты прямо указывали вооруженным отрядам, кем и где спрятан хлеб. Зажиточные крестьяне с оружием в руках защищали его, не отдавая продовольственным отрядам. Во многих губерниях вспыхивали вооруженные крестьянские мятежи, во время которых они убивали рабочих из продотрядов и представителей комитетов бедноты, выдавших информацию о спрятанном хлебе.

1919 год. Декретом от 11 января 1919 года Совнарком РСФСР вновь на государственном уровне обязал крестьян продавать государству продовольственные излишки по твердым государственным ценам, *продолжая проведение продовольственной разверстки*. Это означало, что государство вооруженной силой продолжало изымать у крестьян весь собранный хлеб, оставляя домохозяйству ровно столько, сколько нужно было для прокормления семьи, чтобы не умереть с голоду, и посева. Вооруженные продовольственные отряды на деревенских сходах провозглашали лозунг: «Все излишки государству, ни одного фунта частнику».

Были установлены твердые задания по сдаче хлеба по губерниям, которые распределяли их по уездам, волостям, деревням и крестьянским хозяйствам. На душу населения в крестьянских хозяйствах власть требовала оставлять по 12—14 пудов хлеба на едока, остальной хлеб признавать излишками и изымать. Предписывалось производить максимальное обложение кулачества, умеренное – середняков, беднота от продразверстки освобождалась. К концу 1919 года, кроме хлеба, мяса и картофеля, государственному обложению стали подлежать все остальные виды сельскохозяйственной продукции.

В мае 1919 года все вооруженные продовольственные отряды были подчинены структуре ВЧК с использованием их по своему конкретному назначению. В инструкции продотрядам указывалось, что прибыв в селение, отряд созывает сход, на котором политический комиссар объясняет населению все значение хлебной монополии, особенно указывая, что сдавшие свои излишки зерна крестьяне получают товары. В случае умышленного нежелания сдать излишки зерна, отряд приступает к решительным мерам, а именно: выбирает несколько домохозяев, особенно упорствующих, производят у них тщательный обыск во всем хозяйстве, и конфискует весь хлеб до последнего зерна.

Члены продовольственных отрядов позднее вспоминали, что излишки хлеба приходилось искать в разных местах: в двойных перегородах амбаров, в ямах, в лесных землянках. О спрятанном хлебе всегда кто-то из крестьян знал и сообщал об этом продотряду. Без помощи таких крестьян продотряды не смогли бы конфисковать так много хлеба. Одни крестьяне приходили к выводу, что лучше отдать часть хлеба, чем лишиться всего урожая.

Другие крестьяне с оружием в руках защищали себя и свои семьи от государственного грабежа и голодной смерти. Среди них было больше середняков, чем зажиточных крестьян, объявляемых советской властью кулаками. Крестьяне и рабочие задавали вопрос представителям советской власти: не лучше ли было власти снять заградительные отряды и позволить крестьянам продавать хлеб, а рабочим – покупать его или обменивать на другие товары?

Трудно теперь определить, сколько хлеба сгнило в земляных ямах и лесных землянках у тех хозяев, которые эмигрировали или были убиты вооруженными представителями власти, и не досталось ни рабочим, ни крестьянским семьям. Если даже и находили хлеб через год в земле, то в еду уже был непригодным – протухшим и горьким.

В телеграмме, направленной 15 июля 1919 года В. И. Лениным и А. Д. Цюрупой представителям советской власти губерний, сообщалось, что в Петрограде рабочим выдается паек в $\frac{3}{4}$ фунта (или 340 грамм) хлеба на 2 дня. Москва 10 дней вообще не получает хлеба. Многие промышленные города, фабрики и заводы давно не выдают хлеба рабочим.

Среди рабочих происходили массовые волнения, многие из них бросали работу и ехали в деревню за хлебом. Совнарком РСФСР разрешил предприятиям, фабрикам и заводам производить в деревне самостоятельные заготовки хлеба в период с 1 июля по 15 августа 1919 года. Для этого формировались специальные вооруженные продовольственные отряды рабочих. Заготовленный, а точнее, конфискованный у крестьян хлеб, продотряды направляли на свои фабрики и заводы.

Эти вновь созданные рабочие продотряды после 15 августа оставались в деревне до конца 1919 года, забирая у крестьян хлеб уже для нужд государства, а не конкретных фабрик и заводов. Продотряды выставляли в крупных селениях заставы и ночные дозоры, перехватывали мешочников, выясняли у них, у кого был куплен хлеб. Шли с обыском к крестьянину, продавшему хлеб, и реквизировали у него весь оставшийся хлеб до зернышка.

С 1 ноября 1919 года по совместному постановлению Наркомпрода и Наркомпочтеля все невыданные по назначению продовольственные посылки и невостребованные в течение установленного срока хранения, отправителю не возвращались. Они передавались для детского питания без всякого возмещения стоимости посылок отправителям. Тем самым советская власть перекрыла еще один канал направления продуктов питания родственникам из деревни в город.

На Всероссийской конференции РКП (б) в декабре 1919 года отмечалось, что в том году у крестьянства взято хлеба в три раза больше, чем в 1918 году. В. И. Ленин в своем выступлении говорил, что коммунисты научились применять разверстку, то есть научились заставлять крестьян отдавать государству хлеб по твердой цене.

VII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1919 года, высказался за распространение метода разверстки, и на другие виды продуктов, кроме хлеба и зернофуража [6].

1920 год. Со времени заготовительной кампании 1919/1920 года продразверстка была распространена, кроме хлеба, на картофель и мясо, а к концу 1920 года – почти на все сельскохозяйственные продукты. В связи с этим увеличилось число продовольственных отрядов со 122 в 1918 году до 1039 отрядов в 1920 году, из них 689 централизованных продовольственных отрядов и 350 губернских отрядов. Кроме продовольствия продразверстка распространялась и на сельскохозяйственное сырье.

За 1920 год продовольственные отряды заготовили, конфисковав у крестьян, всего в млн. пудов: [7]

наименование продукта 1920 год
хлеб и зернофураж 367
мясо 23,6
масло коровье 1,3
лен – 2,0
пенька – 1,1
кожи млн. штук – 1,6

Продовольствие у крестьян изымалось фактически бесплатно, так как денежные знаки, которые предлагались в качестве оплаты по твердым ценам, были полностью обесценены. Например, за пуд зерна в счет продразверстки по Тверской губернии предлагали твердую цену 17 рублей 75 копеек, а на рынке пуд зерна стоил 1200 рублей и выше. Рыночные цены были очень высокими, так осенью 1920 года пуд картофеля стоил 1200 рублей, пуд моркови – 5400 рублей, пуд капусты – 5000 рублей, луку – 6600 рублей и так далее.

Промышленные товары взамен изымаемого зерна государство предложить не могло в связи с падением промышленного производства. Так, за 8 месяцев 1919 года в деревню было

направлено всего по 3 аршина ткани на одного человека (2,1 метра – А.Г.), по одной паре обуви на 50 человек, по 450 грамм сахара на человека.

Зачастую при определении размера продразверстки исходили не из фактических излишков продовольствия у крестьян, а из потребностей в продовольствии городского населения и Красной Армии. Поэтому на местах изымались не только «излишки», но и весь семенной фонд, и продукты, необходимые для пропитания крестьянской семьи.

1921 год. На 1920—1921 годы, когда советская власть объявила продразверстку на всей территории РСФСР, число продотрядов увеличили в 2,5 раза, а их участников – в 3 раза в сравнении с 1919 годом. В продотряды, кроме рабочих и крестьян-бедняков, включали казаков, солдат Красной Армии, пробывших на фронтах не менее 1,5—2 лет, успевших зарекомендовать себя сторонниками советской власти, получивших знаки отличия или ранения. Несмотря на все усилия продотрядов, из плана в 423 млн. пудов хлеба за 1920—1921 годы было заготовлено по продразверстке около 259 млн. пудов или 61,2% к плану.

Продразверстка разрушила экономические связи между городом и деревней, привела к продовольственному кризису и массовому голоду 1921—1922 годов. Она была одной из главных причин глубокого экономического, политического и социального кризиса весной 1921 года.

Ситуация с хлебом в 1921 году усугубилась в связи с засухой и неурожаем, повлекшим голод в Поволжье, Крыму, на Северном Кавказе и Украине. Эти территории были полностью освобождены от налогов, им предоставлялось продовольствие, собранное в других губерниях, в которых производили сбор хлеба в помощь голодающим. Для этого был образован специальный комитет помощи голодающим (Помгол) во главе с М. И. Калининым.

Когда-то я прочитал рассказ того времени под названием «Соль», автор И. Э. Бабель. Суть его в том, что красноармейцы из заградительного отряда посадили в свой вагон женщину с грудным ребенком, чтобы она смогла добраться домой. В пути они заметили, что ребенок почему-то не плачет, его мать не кормит, пеленки не меняет. Выяснилось, что женщина везла соль в узле, сделанном в виде куклы, завернутой одеялом. Красноармейцы, называя себя бойцами революции, соль отобрали, а женщину на ходу поезда выбросили под откос, а потом убили ее выстрелом из винтовки, стреляя прямо из вагона. Женщина везла соль, запрещенную декретом советской власти. Человеческая жизнь была оценена в 5—6 килограмм соли.

Этот рассказ потряс меня до глубины души. Работая в прокуратуре, видя смерть сплошь и рядом, перенеся около полутысячи криминальных и некриминальных трупов, я долгое время не мог успокоиться после прочтения этого рассказа.

«Появление продотрядов в деревне должно показать, что хлеб будет взят силой». А. Д. Цюрупа.

Проведение продразверстки в тверской деревне

Установленная советской властью система продразверстки, по которой крестьяне были обязаны отдавать государству все имевшиеся излишки, а на деле не только их, но и часть необходимого самому крестьянину хлеба, приводила к тому, что крестьяне сокращали площади посевов, уменьшали поголовье скота. Бывшие помещичьи земли, которые занимали значительную площадь, вообще не обрабатывались, поросли бурьяном и сорняками.

10 августа 1918 года в письме Наркома продовольствия были указаны твердые цены по Тверской губернии за реквизируемые излишки хлеба. Цены были указаны в копейках за пуд: рожь 1775 коп, пшеница 2225 коп, овес – 1650 копеек. Указанные твердые цены вводились для всех хлебов урожая 1918 года и прошлых лет, сданных в период с 10 августа по 1 декабря 1918 года, при влажности 15% и сорности в 3%. За хлеб, сданный после 1 декабря,

цены понижались на 25% и более. Увеличение влажности и сорности хлеба также понижали его цену.

В телеграмме от 26 августа 1918 года указывалось, что при посеве зерновых культур сеялкой норма оставленных на посев семян понижалась на 25%, при посеве сеялкой или не всей площади у крестьян изымались излишки хлеба, оставленного на семена [8].

В переводе на рубли один пуд ржи государство закупало по 17 рублей 75 копеек, в то время, как на рынке один пуд ржаной муки весной 1919 года стоил от 4500 рублей до 7000 рублей выпущенных в марте того года советских денежных знаков.

Крестьяне Тверской губернии проявляли недовольство действиями советской власти в связи с продразверсткой, мобилизацией их самих, и рабочего скота (лошадей) на вывозку отобранного хлеба. Местами вспыхивали крестьянские бунты, на их подавление направлялись карательные отряды, случались неисследованные чрезвычайные происшествия.

Председатель Бежецкой чрезвычайной комиссии Залескевич в своем докладе 30 октября 1918 года сообщал, что все товары и продукты, реквизируемые и конфискуемые у граждан, записывали в товарные книги и сдавали в отдел снабжения по твердым ценам, а оружие передавали в военный комиссариат.

К тому времени из разных волостей уезда было арестовано около 50 кулаков по заявлениям, что у них есть оружие. После того, как из волости в комиссию доставляли арестованных кулаков, на второй же день деревенские комитеты бедноты высылали поручителей с приговорами сельских сходов об освобождении их из-под ареста. При обысках оружия не находили, в материалах на арестованных не было видно ничего антисоветского. Чрезвычайная комиссия освобождала таких кулаков из-под ареста под особо строгое обязательство [9].

29—30 ноября 1918 года в Твери состоялось совещание ответственных работников по продовольствию Тверской губернии, его открыл губернский комиссар продовольствия Патрикеев. В числе других в работе совещания участвовал Бежецкий уездный комиссар Александр Георгиевич Алексеев, позднее работавший там председателем уездного исполкома.

В докладе Патрикеева указывалось, что в Бежецком уезде, сравнительно богатом хлебом и картофелем, царил полная бездеятельность. Прежний продовольственный комиссар был предан суду за целый ряд неблагоприятных поступков уголовного характера.

На совещании в Твери было принято постановление об упразднении сельских и волостных комитетов бедноты, которые действовали в деревнях с августа по ноябрь 1918 года. После ликвидации волостных комитетов бедноты все дела по учету хлеба и скота, списки необеспеченных бедняков и решение других вопросов переходили волостным исполнительным комитетам [10].

В апреле 1919 года в сводке уездного комитета партии о положении Бежецкого уезда писали, что в связи с наступающими полевыми работами настроение крестьян не весьма удовлетворительное. Причинами их недовольства была мобилизация людей, скота, отчуждение единовременного чрезвычайного налога и пятифунтового хлебного пайка. Советские работники на местах проявляли громадное недовольство в виду того, что им не оплачивали за труд, а без оплаты работа не могла быть удовлетворительной.

В сводке указывалось, что партийная работа в уезде неудовлетворительная, так как местные коммунисты не уяснили задачи партии. Секретарем Бежецкого уездного комитета партии тогда был уроженец села Хонеево Бокаревской волости Бежецкого уезда М. С. Чудов, который подписал направленную в губернский комитет сводку [11].

Декретом ВЦИК РСФСР от 9 апреля 1919 года освобождались от долгов по единовременному чрезвычайному революционному налогу крестьяне-середняки. По Тверской губернии дальнейшему взысканию не подлежал долг по указанному налогу с крестьян-середняков в сумме до 1500 рублей. Все принятые к ним меры принудительного взыскания прекращались.

Если невнесенный долг был больше указанного размера в 3 раза, то его сумма уменьшалась с 3 до 2 раз.

Эта льгота не распространялась на богатых крестьян, которые должны были за неуплату налога предаваться революционному суду и подвергаться суровым карам, лишению свободы на срок не менее 5 лет с отбыванием наказания вне пределов губернии их проживания с обязательным применением к ним принудительных работ [12].

ВЦИК РСФСР декретом от 26 апреля 1919 года освободил от внесения натурального налога урожая 1918 года некоторых крестьян. По Тверской губернии к ним отнесли тех середняков, которые имели долг менее 60 пудов. Эта льгота не распространялась на богатых сельских хозяев, которые были обязаны срочно сдать все излишки хлеба. В случае невнесения излишков в 2-х недельный срок после опубликования декрета, налог с них взыскивался в двойном размере или сами хозяева подвергались наказанию по решению народного суда [13].

Кроме изъятия хлеба и других продуктов питания, у крестьян на Гражданскую войну мобилизовали лошадей. В газете «Тверская правда» №114 за 29 октября 1919 года было опубликовано сообщение о мобилизации лошадей на основании телефонограммы Тверского губернского военкома №21 от 18 октября. Для того, чтобы обеспечить Красную Армию конями, их владельцы были обязаны привезти на сгонные пункты всех своих лошадей. Владельцы, имевшие по 2 и более лошадей, были обязаны привести всех, включая и негодных, а имеющие одну лошадь – если она признана годной под верх (под седло). При себе иметь удостоверения на всех лошадей.

Деньги за мобилизованных лошадей выдавались по твердым ценам в губернском казначействе по квитанциям уездного военкома. Лица, которые не приводили лошадей на сгонные пункты в указанные сроки, привлекались к ответственности по законам военного времени, а их лошади подлежали конфискации без какой-либо оплаты.

К концу 1919 года по Тверской губернии на 10 крестьянских семей приходилось 53 человека вместо 55 человек в 1917 году. Из-за мобилизации лошадей их количество на каждые 100 крестьянских хозяйств уменьшилось в сравнении с 1917 годом с 84 до 73 голов. В связи с мобилизацией лошадей, а также призывом мужчин из крестьянских хозяйств на Гражданскую войну, уменьшились посевы ржи на 22%, овса на 26%, льна на 51%, посадка картофеля на 10% в сравнении с 1917 годом.

В Тверской губернии в период с августа 1919 по август 1920 годов действовали 39 продовольственных рабочих отрядов общей численностью в 985 человек, по 25—30 человек в каждом отряде. Кроме изъятия хлеба, на рабочие продовольственные отряды возлагались и другие задачи:

- организовать в каждой деревне партийную и комсомольскую ячейки;
- наладить работу сельских и волостных советов;
- проводить коммунистическую земельную политику по передаче земли в собственность государства с правом крестьян пользования и владения усадьбами и полевыми наделами в прежних размерах;
- устраивать в каждой деревне избу-читальню с чтецом-коммунистом.

За год, с августа 1919 по август 1920 годов, члены рабочих продовольственных отрядов помогали бедноте вести обмолот хлеба, вели учет всех продуктов, собранных крестьянами, руководили засыпкой хлеба на ссыпных пунктах и его транспортировкой, одновременно отбирая у крестьян «излишки» хлеба.

Крестьяне, как могли, защищали свой урожай от реквизиции: уничтожали разверсточные списки, увозили зерно из ссыпных пунктов и складов, угоняли собранный для вывоза скот, разоружали членов продотрядов и комитетов бедноты. В перестрелках и поодиночке убивали участников продотрядов, активистов и членов комитетов бедноты, выступая под лозунгом: «Долой продразверстку». Они защищали себя и свои семьи от неминуемой голодной смерти.

О каких излишках могла идти речь, когда самим крестьянам не хватало хлеба на про довольствие. Еще до Октябрьской революции 1917 года были произведены расчеты необходимости ржи на крестьянскую душу населения Тверской губернии в благополучные 1912—1913 годы. Для удовлетворительного питания даже в то время не хватало хлеба, собранного крестьянами со своих наделных земельных участков, независимо от состояния и зажиточности хозяйства, хорошей урожайности и других факторов.

Для того, чтобы крестьянин удовлетворительно питался, ему было необходимо иметь минимум по 12 пудов (192 кг) ржи в год на одного едока. Кроме того, хлеб нужен был для посева, для корма скоту и птице. В целом по Тверской губернии в благополучные 1912—1913 годы крестьяне собирали со своих наделных участков по 7,7 пуда ржи на едока, им недоставало по 4,3 пуда ржи на душу населения, которую они закупали на рынке.

В Бежецком уезде, где проживало тогда 301275 крестьянских душ, в 1912—1913 годах в среднем крестьяне собрали со своих наделных земельных участков по 8,9 пуда ржи на одного едока, недоставало им на пропитание, за исключением семян, по 3,1 пуда на душу населения.

Избыток ржи в те годы был лишь в одном Зубцовском уезде из 12, где на душу населения в те годы крестьяне собрали по 12,58 пуда ржи [14].

Чтобы прокормить свои семьи, крестьяне Тверской губернии значительно увеличили посевы ржи, сокращая посевы льна и кормовых трав. Несмотря на увеличение посевов ржи, ни о каких излишках хлеба в годы продразверстки и позднее, в годы продналога, не могло быть и речи, речь шла о насильственном грабеже хлеба и оставления крестьянина без хлеба и продуктов на пропитание.

Вольные цены на продукты питания были очень высокими, к весне еще подрастали, что можно убедиться на примере средних вольных цен, действовавших в 1920 году в Бежецком уезде Тверской губернии [15].

Наименование продукта мера исчисления январь март 1920 года:

Ржаная мука пуд (16 кг) 7111 руб.

Картофель мера (26 литров) 1280 руб.

Масло коровье фунт (453 грамма) 1616 руб.

Масло растительное фунт 964 руб.

Говядина фунт 333 руб.

Яйца десяток 750 руб.

Молоко четверть (3 литра) 350 руб.

Соль фунт (453 грамма) 1072 руб.

Сахар фунт 1680 руб.

Керосин фунт 758 руб.

Спички 10 коробок 917 руб.

Ситец аршин (0,7 метра) 350 руб.

В сентябре 1918 года в тверских деревнях еще можно было купить меру картофеля (25 кг – А.Г.) за 50 рублей царских денег. Бумажные деньги с советской символикой появились в марте 1919 года номиналом от 1 до 1000 рублей. В связи с их постоянным обесцениванием пришлось выпускать купюры достоинством от 5 до 10 тысяч рублей.

Но первые советские деньги в те годы играли весьма незначительную роль, на первый план вышел товарообмен. Рабочим на фабриках и заводах вместо денег выдавали муку, мануфактуру, табак, мыло. За недостатком продуктов питания, рабочие ездили за ними на большие расстояния в деревню. Продукты приобретали у крестьян не за деньги, а в обмен на одежду, белье, мыло, спички, иголки и другие товары.

После окончания Гражданской войны продразверстка вошла в дальнейшее противоречие с экономическими интересами деревни. Крестьяне видели в бесплатной сдаче всех излишков хлеба и другой сельскохозяйственной продукции явную несправедливость, по-прежнему проявляли недовольство советской властью. Нужно было искать новые взаимоотношения власти с крестьянством.

В феврале 1920 года ЦК РКП (б) за подписью секретаря Елены Стасовой направила в Тверской губернский комитет партии письмо, в котором поручил выяснить, что фракция беспартийных существовала при Тверском уездном и городском исполкоме. Спрашивали, о каком *Крестьянском союзе* там шла речь, и есть ли проект этого союза, который надо направить в ЦК партии.

В ответе Тверской губернский комитет партии сообщал, что 29 января 1920 года по инициативе беспартийных членов Тверского уездно-городского исполкома Комиссарова, Заботина, Павлова, Шарова и других на беспартийной конференции постановили образовать Крестьянский Союз, как партию крестьян. Устав союза был привезен из Москвы и хранился у Заботина. В результате организаторы Павлов и Шаров преданы суду, в отношении Заботина, Герасимова и других инициаторов создания Крестьянского Союза проводилось расследование для предания их суду [16].

Нужно отметить, что председатель Тверского уездно-городского исполкома Саул Аронович Банк, переведенный в Тверь с должности Вышневолоцкой ВЧК, проработавший на должности в Твери менее года, также был осужден.

В марте 1921 года X съезд РКП (б) принял решение о переходе от продразверстки к натуральному продовольственному налогу. В связи с новой экономической политикой все продовольственные и заградительные отряды были распущены.

«НЭП это всерьез и надолго». В. И. Ленин.

Провозглашение новой экономической политики (1921 год)

Крестьянство в России в то время составляло около 90% всего населения страны. Военный союз крестьян с советской властью, заметный в годы Гражданской войны, в мирные годы не перерос в экономический союз. Большевики попытались превратить проводимые ими ранее чрезвычайные меры в методы Советского государства на мирную жизнь, но встретили резкое недовольство со стороны крестьянства.

Выступая с докладом на открытии X съезда РКП (б), который проходил с 8 по 16 марта 1921 года, руководитель Советского государства и коммунистической партии большевиков В. И. Ленин говорил: *«Будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Мы не могли поступать иначе в тех условиях, которые нам навязывали империалисты и капиталисты своей войной. Но эти обстоятельства привели к тому, что крестьянское хозяйство после продолжавшейся так долго войны так ослабело, что неурожай оказался спутником такого обострения кризиса, который, может быть, готовит нам еще большие трудности и бедствия в предстоящие месяцы...»*

В условиях кризиса, бескормицы и падежа скота крестьянин должен оказывать кредит советской власти во имя крупной промышленности, от которой он пока ничего не получает. Дело самое важное для нас – дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог, чтобы мелкий хозяин мог лучше рассчитать свое производство и, сообразно с налогом, устанавливать размер своего производства. *Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, без принуждения, на которое разорен-*

ное крестьянство реагирует очень сильно. Встала задача перехода от продразверстки к натуральному налогу, эта задача требует к себе особого внимания» [17].

Далее, уже при обсуждении вопроса о замене продразверстки продовольственным налогом в своем докладе В. И. Ленин сказал: *«Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно...»*

Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше. Крестьянство в России стало больше средним, и бояться, что обмен станет индивидуальным – нечего. Всякий что-нибудь сможет дать государству в обмен. Один сможет дать излишки хлеба, другой даст в обмен огородные продукты, третий – трудовую повинность.

Нам нужно, чтобы о принятом решении было сразу же оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев. Вступая на этот путь, съезд исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством, которое составляет в стране 9/10 населения» [18].

В своем докладе Народный комиссар продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа на одном из заседаний X съезда РКП (б) в марте 1921 года заявил: *«30% сельского населения страны или совсем не имеют посевов, или имеют в таких размерах, которые не в состоянии удовлетворить его нужды, обрезанные до последней степени. Установлена годовая норма 15 пудов хлеба на душу населения (или по 650 грамм хлеба на человека в сутки – А.Г.). Этой нормы хлеба не имеют 30% населения страны, поэтому 106 млн. пудов хлеба должны быть взяты у тех, у кого имеются излишки. Мы должны выделить беднейшие группы населения, чтобы не облагать их налогом, а наиболее мощные и менее мощные группы мы должны прогрессивно обложить налогом. Без учета Украины разверстка определялась в 423 млн. пудов хлеба, мы предлагаем налог уменьшить до 200 млн. пудов хлеба в год. В 1920 году государство смогло предложить крестьянам в расчете на одно хозяйство по 64 грамма гвоздей и по 0,1 ручной косы.»*

Мы употребляли государственное принуждение и этим брали хлеб. Иного способа я не мыслю и при налоге. Говорить об истязаниях, если они и были, являются исключениями, недопустимо. В выступлениях на съезде было сказано, что циркуляр об истязаниях был издан по соглашению с Наркомпродом, но я с ума не сошел, чтобы давать такие циркуляры» [19].

В прениях выступающие ораторы говорили, что в стране мелких крестьян-собственников свыше 100 млн. человек. Придется развязать руки кустарям, так как крупная промышленность еще долгое время не сможет снабжать деревню в полной мере ни гвоздями, ни обувью, ничем [20].

В резолюции X съезда «О замене разверстки натуральным налогом», принятой на утреннем заседании 15 марта 1921 года, указывалось, что налог должен иметь прогрессивный характер, процент отчислений для хозяйств середняков и маломощных хозяев, для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога.

Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении, и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельского хозяйства [21].

Таким образом, X съезд РКП (б) принял решение о замене продразверстки продналогом, предоставил возможность крестьянину самому распоряжаться хлебом, оставшимся после сдачи продовольственного налога. Предполагалось, что крестьянин будет обменивать хлеб на необходимые промышленные товары – плуги, бороны, ткань, гвозди, керосин, мыло и другие. Но эти мысли, и расчеты были очень далеки от реальности, так как в условиях послевоенной разрухи у государства не было необходимых промышленных товаров на обмен.

Жизнь в условиях послевоенной разрухи заставила власть постепенно перейти от товарного обмена на легализацию свободы торговли и предпринимательства.

Во исполнение решений партийного съезда декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 года продовольственная и сырьевая разверстки были заменены натуральным налогом, который должен быть меньше налагавшегося до той поры путем разверстки обложения [22].

Таким образом, в декрете «О замене продразверстки продналогом» было заявлено, что старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога. Этим решением Советское государство стимулировало развитие крестьянских хозяйств.

Ответственность за выполнение налога возлагалась на каждого отдельного хозяина, и органам советской власти поручалось налагать взыскания на каждого, кто не выполнил налога. Круговая ответственность деревенской общины за выплату налога отменялась.

23 марта 1921 года ВЦИК и Совнарком РСФСР обратились к крестьянству с письмом, в котором высшие органы советской власти разъясняли, зачем нужна была разверстка, условия отмены разверстки. Они заявляли, что продовольственный налог – это облегчение крестьянину и является временной мерой.

На X съезде РКП (б) не принимали никакого решения о введении свободы торговли и легализации частного предпринимательства, но в скором времени ситуация заставила большевиков пойти на это. Выступая на партийной конференции в мае 1921 года, В. И. Ленин убеждал коммунистов, что НЭП в стране *«всерьез и надолго»*.

В то же время на этой конференции В. И. Ленин заявил, что пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и с большими лишениями его преодолевать. Помимо класса эксплуататоров во всех капиталистических странах есть свои мелкие производители и мелкие земледельцы, в России они составляют большинство. Главный вопрос революции, по заявлению Ленина, заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов. С ними нельзя разделаться простыми мерами экспроприации и вытеснения, которые применялись к эксплуататорам, здесь необходимы другие методы.

Таким образом, ставя эти цели, В. И. Ленин создал много проблем в будущем для страны и крестьян, с одной стороны, считая крестьянство главным союзником пролетариата, а с другой стороны – объектом длительной борьбы, направленной на победу над крестьянством.

В октябре 1921 года В. И. Ленин, выступая с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов», вынужден был признать, что в России проведена реставрация капитализма, но она необходима для выживания большевизма. Власть разрешила открывать частные торговые заведения, постепенно отменяя государственную монополию на различные виды продукции, разрешила использовать наемный труд.

Одной из особенностей налоговой политики первых лет НЭПа было преобладание натуральных налогов и повинностей, так как деньги в те годы быстро обесценивались. На содержание громоздкого аппарата по сбору налогов тратилось до 50% всего валового сбора.

Многие советские идеологи и политики считали, что капитализм в России прорастал из деревни. Но пойти на НЭП заставили крестьянские бунты и восстание матросов в Кронштадте, которые на девять десятых выражали недовольство крестьянства.

«Ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного хозяина». Из декрета ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 года.

Виды натурального продовольственного налога

Основными видами занятий сельских жителей при НЭПе оставались земледелие и скотоводство при сохранении мелких крестьянских хозяйств. Самой основной культурой на территории всей Тверской губернии была рожь. Пшеницу, в небольших количествах, сеяли в Кашинском и Тверском уездах. Далее по значимости был овес, который в значительной мере шел на корм скоту и птице, а также на изготовление толокна, каши, киселей, сеяли ячмень (жито), который мололи на крупу, варили пиво и каши.

Из технических культур в Бежецком уезде Тверской губернии были распространены лен и конопля. Кроме посевов на полевых земельных наделах, у каждого крестьянского хозяйства имелся огород. В давние времена основными огородными культурами были репа и капуста. Позднее в огородах стали выращивать картофель, лук, чеснок, морковь, редьку и свеклу. Из садовых культур в огородах высаживали яблони, вишни, кусты крыжовника и смородины, другие плодовые деревья и кустарники встречались редко.

При переходе от продразверстки к продналогу крестьяне стали платить несколько видов натурального продовольственного налога, в зависимости от площади использованной земли, числа едоков, имевшегося скота, наличия отдельных видов продуктов и некоторых других условий.

Натуральный налог на хлеб, картофель и масличные семена

Был введен декретом Совнаркома РСФСР от 21 апреля 1921 года. Размер этого налога определялся для каждого крестьянского хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве с учетом урожая в данной местности. В состав пашни включали яровые и озимые культуры, посевные травы и пары, а также часть залежей и перелогов.

Установление размера налога для каждого отдельного хозяйства проводилось сельсоветами под контролем волостных исполкомов. Был введен ярко выраженный прогрессивный налог, если крестьянское хозяйство в Тверской губернии имело пашни от 1 до 3 десятин на едока, с него взималось 10 фунтов или 0,45 кг зерна с каждого пуда зерна. При наличии пашни более 3 десятин на едока, при самом низком полученном урожае, налог составлял 5—6 пудов или 80—96 кг зерна с каждой десятины.

Хозяйства, имевшие под пашней не свыше одной десятины земли, от обложения налогом освобождались. Плательщики налога были обязаны приступать к сдаче продуктов немедленно после уборки урожая, и полностью уплатить его не позднее 15 декабря.

Натуральный налог на яйца

Введен декретом Совнаркома РСФСР в тот же день, 21 апреля 1921 года. Этому налогу подлежали все хозяйства, имевшие пахотную землю. Норма налога по Тверской губернии была установлена по 2 яйца с каждой десятины пашни. Сдача яиц проводилась к 1 июля 60%, к 1 сентября 10%, к 1 октября – остальные 30% от общей суммы налога.

Натуральный налог на шерсть

Был установлен на основании декрета Совнаркома РСФСР от 10 мая 1921 года. Налог взимался с каждого хозяйства в отдельности и исчислялся в зависимости от количества переживавших овец. Норма обложения налогом по Тверской губернии составляла с каждой овцы:

- за весеннюю шерсть 3/8 фунта (170 грамм);
- за осеннюю шерсть (поярок) 1/8 фунта (57 грамм);
- за грубую шерсть – 1/2 фунта, (227 грамм).

Настриг шерсти с одной овцы за два раза весенней и осенней стрижки был примерно по 2—2,3 кг, с одного барана – до 3 килограмм. Налог на шерсть весенней стрижки взимался к 15 июля, осенней стрижки – к 15 ноября.

Натуральный налог на льняное и пеньковое волокно

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР в тот же день, 10 мая 1921 года. Размер налога определялся для каждого хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству посева льна-долгунца и конопли по урожаю в данной местности. Установили 6 разрядов по урожаю льняного волокна от 6 до 16 пудов на одну десятину, а по конопле – 5 разрядов от 9 до 21 пуда пенькового волокна на десятину посева.

При самом низком урожае льняного волокна в трепаном виде 6 пудов налог по Тверской губернии составлял 24 фунта или 11 кг с одной десятины посева. При самом высоком урожае льняного волокна в трепаном виде 16 пудов и выше, налог составлял 64 фунта или 29 кг с одной десятины посева льна. Если лен сдавался в нетрепанном виде, а только в мятом виде, как лен-сырец, то крестьяне были обязаны за один пуд трепаного льна сдавать два пуда льна-сырца.

Натуральный налог на табак

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР от 11 мая 1921 года. Тверская губерния не входила в список основных табаководческих губерний. Поэтому за посев табака здесь были установлены нормы налога на него, как на *другие огородные культуры* при условии, если посевы табака были менее 1/30 десятины. Если посевы табака были более 1/30 десятины, то есть более 3 соток, то хозяева уплачивали налог табаком, нормы устанавливались Народным комиссариатом земледелия.

Натуральный налог на сено

Был введен декретом Совнаркома РСФСР от 17 мая 1921 года. Ставка налога по Тверской губернии была определена по 8 пудов с заливных лугов и по 5 пудов с незаливных сенокосов на одну десятину сенокоса. Налог на сено должен быть выполнен не позднее 15 февраля следующего года.

Натуральный налог на продукты пчеловодства

Был установлен Постановлением Совета труда и обороны РСФСР от 3 июня 1921 года. Все крестьянские хозяйства, которые имели пасеки, были обязаны платить налог на мед и воск. От налога освобождались крестьянские хозяйства с одним ульем и пасекой в первый год ее основания. По Тверской губернии был установлен налог на мед в хозяйствах, имеющих до 15 ульев по 3 фунта меда с каждого рамочного улья и по 2 фунта меда с каждого колодного улья, то есть при бортничестве.

Налог на воск был установлен по 0,5 фунта (227 грамм) светлой сухой вошины или по 0,25 фунта (113,5 грамм) чистого желтого воска с каждого колодного улья. С каждого рамочного улья должны были отдавать в счет налога 0,25 фунта светлой сухой вошины или по 0,125 фунта чистого желтого воска с каждого улья. Плательщики налога были обязаны приступать к сдаче меда и воска немедленно после начала сбора, конечным сроком сдачи этого налога было 1 ноября.

Нужно отметить, что в карельских деревнях Бежецкого уезда Тверской губернии было распространено бортничество, важность которого заключалась в том, что мед заменял сахар, дефицит которого при НЭПе был повсеместно. Другой продукт бортничества – воск при-

менялся в основном для изготовления восковых свечей, которыми заменяли непрактичные, дурно пахнущие сальные свечи.

Крестьяне брали мед из дупла липы, сосны, вяза или тополя, куда пчелы собирали мед. Бортничество было непростым делом, чтобы добраться до борти на большой высоте, крестьянин на веревках подвешивал к дереву люльку. Сидя в ней, он с помощью долота, ножа и бурава делал отверстие, через которое ножом вырезал и доставал соты с медом. Нередко крестьянин деревянные делал колоды, которые устанавливал на сучьях или подвязывал веревками высоко на деревьях, поблизости от естественной борти.

Карелы в нашей местности занимались бортничеством до 1960-х годов, постепенно переходя на разведение пчел в домиках на пасеках. Пчелиные ульи залетали в приготовленные домики прямо из леса. К тому же пчелы повышали урожайность садовых деревьев и огородных культур.

Натуральный мясной налог

Был установлен декретом Совнаркома РСФСР от 14 июня 1921 года. С каждой головы крупного рогатого скота старше 2-х лет по Тверской губернии брали по 7 фунтов мяса (3,2 кг – А.Г.).

С каждой головы овец, включая ягнят весеннего помета, по Тверской губернии брали в счет налога по 2,5 фунта мяса (1,14 кг).

С каждой головы свиней старше 9-ти месяцев по Тверской губернии платили натуральный налог мясом по 15 фунтов свинины (6,8 кг.).

От натурального мясного налога освобождались крестьяне Московской, Петроградской, Иваново-Вознесенской, Тульской, Калужской и Брянской губерний.

Для выполнения мясного налога отдельные плательщики объединялись в группы для решения вопроса, чей именно скот поступит в уплату налога. За мясной натуральный налог возмещали его стоимость по твердым закупочным ценам (которые были крайне низкие – А.Г.). Когда согласия между отдельными плательщиками не было, сельсовет в установленном порядке определял, у кого из плательщиков должен быть взят скот для уплаты налога. Также определялось, в какой форме и порядке должна быть уплачено другим плательщиками стоимость взятого скота. Основная сдача натурального мясного налога была определена на октябрь-декабрь каждого года.

Декретом Совнаркома РСФСР от 19 мая 1921 года была утверждена инструкция губернским продовольственным комитетам по проведению натуральных налогов. Им было поручено, немедленно приступить к сбору сведений по каждому крестьянскому хозяйству об основных данных, согласно которых производилось исчисление налога. Сельские советы на основании собранных сведений составляли предварительные именные списки плательщиков по каждой деревне и по каждому виду натурального налога.

Именные списки по каждому поселению содержали следующие сведения:

– поименное перечисление всех плательщиков в деревне, с указанием по каждому крестьянскому хозяйству числа едоков, количества десятин земли, количества скота и других данных, в зависимости от видов натурального налога;

– количество продуктов, назначенных к сдаче по налогу с каждого крестьянского хозяйства;

– сроки сдачи натуральных налогов.

Волостные исполнительные комитеты проверяли все эти сведения и составляли волостные сводки по каждому виду налога. Эти сведения направлялись в уездные продовольственные комитеты.

Поступавшие по налогу продукты сдавались заготовительным конторам, никаким другим органам, кроме заготконтор, налоги сдаваться не могли. По истечении установленных сро-

ков к неисправным плательщикам применялись административные и судебные меры принуждения.

Декретом Совнаркома РСФСР от 24 мая 1921 года был разрешен свободный обмен, покупка и продажа оставшихся у крестьян после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства. Этот обмен, продажа и покупка могли проводиться на рынках и базарах, с лотков и ларей, а также в закрытых торговых помещениях – лавках и магазинах.

«В России проведена реставрация капитализма». В. И. Ленин.

Переход от натурального налога к денежному налогу (1923 год)

В резолюции XII съезда РКП (б), прошедшего 17—25 апреля 1923 года, *«О работе РКП в деревне»* говорилось, что созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняют развитие значительной части маломощных крестьян и вызывают обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства [23].

На съезде РКП (б), в числе других решений, была принята резолюция: *«О налоговой политике в деревне»*. В отношении налоговой политики в деревне говорилось, что в эпоху открытой Гражданской войны все тяготы легли на крестьянство в виде продразверстки. Как только закончился этот период, коммунистическая партия провела переход от продразверстки к продналогу.

Этот переход принес значительное облегчение крестьянству. Новая экономическая политика необходима для развития торговли между городом и деревней, которая невозможна, пока постоянное обесценение денег срывает денежный оборот и препятствует реализации продуктов, как сельского хозяйства, так и промышленности.

Таким образом, непосредственно облегчая положение крестьянства, эта мера укрепляет все хозяйство страны, что, в свою очередь, поможет крестьянству быстрее выйти из разрухи и нищеты, восстановить свой инвентарь и повысить технический уровень своего хозяйства – писали в резолюции.

Кроме перехода от натурального обложения к денежному налогу, коммунистическая партия, в целях облегчения положения крестьянства, должна провести объединение всех государственных прямых налогов, лежащих на крестьянстве – продналога, подворно – денежного и трудгужналога, а равно и всех местных прямых налогов в единый прямой сельскохозяйственный налог.

До введения единого прямого сельскохозяйственного налога в 1921—1923 годах для крестьянских хозяйств действовали следующие налоги:

– единый натуральный налог, который взимался с крестьянских хозяйств различными видами продуктов;

– трудовой гужевой налог, когда каждый гражданин в возрасте от 18 до 50 лет и каждая лошадь старше 3 лет должны были отработать в пользу государства бесплатно по 6 дней в году;

– подворно – денежный налог, который был установлен декретом ВЦИК от 25 мая 1922 года, предоставившим право губернским исполкомам взимать его с крестьянских дворов дополнительно к другим налогам;

– единовременный налог на восстановление сельского хозяйства (общегражданский налог), введенный в 1922 году для оказания помощи голодающим;

– местные налоги, налагаемые советами народных комиссаров автономных республик, областными исполнительными комитетами, губернскими исполнительными комитетами и уездными исполнительными комитетами на сельское хозяйство.

Единый сельскохозяйственный налог должен был решительно покончить с множественностью обложения, которая вызывала справедливые жалобы крестьянства и мешала ему твердо подсчитать свои расходы и доходы и в соответствии с этим вести свое хозяйство.

Единый сельскохозяйственный налог должен обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощь и платежеспособность хозяйства – количество едоков, количество пашни и сенокосов, количество рабочего и продуктивного скота, средний размер урожая.

При установлении размеров единого сельскохозяйственного налога, а также натуральной и денежной части его, советская власть, – утверждалось в резолюции XII съезда РКП (б), – должна руководствоваться интересами развития и поднятия сельского хозяйства, тщательно оценивая действительную платежную силу крестьянского хозяйства, как в целом, так и по отдельным районам. Необходимо поэтому учитывать особые условия отдельных районов, отличающихся более земледельческим или более промысловым характером, в целях наиболее полного соответствия размеров налога и его форм – денежной или смешанной – действительному состоянию крестьянского хозяйства данного района. В тех же целях для внесения налога должны быть назначены не один, а несколько сроков, согласованных с моментами снятия урожая, продажей излишков.

В целях содействия поднятию сельского хозяйства предполагалось провести в жизнь систему поощрений, доступных в данных условиях широким массам крестьянства, улучшенных приемов хозяйствования – ранние пары, вспашка на зябь, развитие технических и трудоемких культур, рационализация животноводства.

Районы (районами до 1929 года назывались отдельные сельсоветы в пределах одной волости, исходя из видов основной деятельности жителей деревень – А.Г.), волости и коллективы, особо проявившие себя в этом отношении, по представлениям земельных органов, подлежали премированию губисполкомами в форме частичной скидки причитающегося с них сельскохозяйственного налога в пределах одного процента с общей его суммы. Одним из решительных способов борьбы с непомерно низкими ценами на хлеб, разоряющими крестьянское хозяйство и одновременно затрудняющими промышленность, должно явиться облегчение выхода за границу тех излишков крестьянского хлеба, которые не могли быть потреблены внутри страны.

В целях удовлетворения этой насущной потребности крестьянского хозяйства, – говорилось в резолюции съезда, – советское правительство должно добиваться возможности беспрепятственной реализации крестьянского хлеба за границей. Завоевание для сельского хозяйства заграничных рынков, утерянных в эпоху империалистической войны, должно явиться ближайшей задачей советской власти, ибо при отсутствии сельскохозяйственного вывоза из России неизбежны крайне низкие цены на хлеб на внутреннем рынке. Это, в свою очередь, приведет к сокращению запасов, застою в крестьянском хозяйстве, а, следовательно, и к общему хозяйственному застою государственного экспорта. В целях устранения частного посредничества экспорт хлеба должен быть сосредоточен в руках государства и его органов.

Коммунистическая партия, писали в резолюции съезда, отдает себе полный отчет как в трудном положении разоренного войной и контрреволюцией крестьянского хозяйства, так и в тяжести лежащих на нем обязательств. Проводимые ныне советской властью меры к облегчению положения крестьянства, представляя значительный шаг вперед к упорядочению крестьянского хозяйства, отнюдь не освобождают его от необходимости напрячь все силы для удовлетворения предъявленных крестьянству советским государством требований.

Крестьянство должно убедиться, что, собирая налоги, рабоче-крестьянское правительство в то же время решительной рукой сокращает всякие непроизводительные расходы и является действительно самым дешевым правительством для страны. Коммунистическая партия должна будет пристально следить за тем, чтобы получаемые от налогов средства расходовались с величайшей экономией и исключительно на действительно необходимые нужды:

- на оборону революционных завоеваний рабочих и крестьян;
- на развитие просвещения;
- на всемерную поддержку сельского хозяйства в виде организации сельскохозяйственного дешевого кредита, агрономической и другой поддержки деревне;
- на развитие крупной промышленности, без широкого развития которой население страны было бы обречено на хозяйственное прозябание и на экономическое и политическое рабство.

При всех этих расходах рабоче-крестьянское правительство должно равняться по крестьянской силе и возможностям крестьян.

Настойчивое и систематическое проведение указанных выше мер приведет к быстрейшему развертыванию производительных сил города и деревни. Приведет к ограждению интересов крестьянской бедноты и середняков, к укреплению доверия крестьянина к рабочим и к закреплению союза рабочих и крестьян на твердом фундаменте роста народного богатства, распорядителем которого при советском государстве являются сами же трудящиеся массы [24].

До установления единого сельскохозяйственного налога крестьяне платили натуральный налог продуктами по установленным нормативам. Отбывали трудгужналог или трудгужповинность, когда сельсовет, волисполком, военкомат и другие представители советской власти мобилизовали на несколько дней подводы вместе с хозяевами. Они вывозили в указанное место конфискованное зерно и продукты питания, доставляли призывников на призывные пункты, возили коммунистов и комсомольцев на уездные конференции и выполняли другие поручения советской власти. Возчики днями, а иногда сутками оставались возле своих подвод, чтобы везти делегатов обратно домой. За это время их не кормили, им ничего не платили и ничего не выдавали, кроме дегтя, чтобы смазывать колеса у телег.

30 апреля 1923 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял декрет «*Об амнистии неплательщиков единого натурального налога*». В нем было заявлено, что Президиум ВЦИК постановил освободить от дальнейшего отбывания наказания лишением свободы и принудительными работами граждан, осужденных за невыполнение единого натурального налога в 1922—1923 годах, то есть за преступные деяния, предусмотренные ст. 79 и 2 ч. ст. 80 Уголовного Кодекса, при установленном по суду отсутствии злостности.

Действие постановления Президиума ВЦИК от 30 апреля 1923 года не распространялось на имущественные взыскания – конфискацию всего или части имущества и штраф. От имущественных взысканий освобождались маломощные семьи красноармейцев, инвалиды империалистической и Гражданской войн и семьи погибших в эти войны.

На основании решений XII партийного съезда *10 мая 1923 года ВЦИК и Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР своим декретом установили единый сельскохозяйственный налог на 1923—1924 год*. На население, занимающееся сельскохозяйственным промыслом, а также на коллективные и советские хозяйства устанавливался на 1923 – 1924 год единый сельскохозяйственный налог взамен всех перечисленных выше налогов, взимаемых в 1922 – 1923 году с населения, занимающегося сельским хозяйством.

Волостные и сельские сборы, согласно декрету от 10 мая 1923 года, могли производиться волостными и сельскими советами только на основании особого положения, точно предусматривающего те потребности волостного и сельского бюджета, которые могли покрываться местными волостными и сельскими сборами. К оставленным к взысканию налогам, на основании Временного положения о местных финансах, утвержденным постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 года, отнесли:

- налог с лошадей и экипажей;
- налог на право застройки;
- налог с наследства;

- сбор за ветеринарно-санитарный осмотр скота;
- сбор с продаж на рынке и другие виды местных налогов.

Промысловая и торговая деятельность сельского населения подлежала обложению, установленному на промыслы и торговлю.

Обложение сельского хозяйства какими-либо дополнительными налогами, кроме единого сельскохозяйственного налога, волостных и сельских сборов, воспрещалось под страхом уголовной ответственности.

Единый сельскохозяйственный налог исчислялся и выражался в весовой мере – пуде ржи (ржаной единице), а в районах преимущественного распространения пшеницы – в пуде пшеницы (пшеничной единице) и взимался натурой или деньгами.

В губерниях, областях и автономных республиках, где единый сельскохозяйственный налог взимался в чисто денежной форме, все работы по обложению, исчислению и сбору налога возлагались на органы Народного комиссариата финансов.

В губерниях с чисто денежной формой налога, где по условиям реализации урожая сдача налога в денежной форме была затруднительна для населения, Народному комиссариату финансов, по ходатайствам Советов народных комиссаров автономных республик, областных и губернских исполнительных комитетов, предоставлялось право взимать часть налога натурой.

Каждому налогоплательщику предоставлялось право уплачивать причитающуюся с него натуральную часть налога деньгами полностью или частично в сроки, установленные для сдачи причитающейся натуральной части налога. Натуральная часть налога оплачивалась хлебными и зерновыми продуктами.

При определении размеров налога учитывались:

- а) количество в хозяйстве пашни и сенокоса (в переводе последнего на пашню);
- б) количество едоков в хозяйстве;
- в) количество в хозяйстве взрослого рабочего и взрослого крупного рогатого скота;
- г) урожайность хлебов и трав на десятину.

Состав облагаемой площади определялся:

- а) площадью пашни, занятой яровыми и озимыми полями, паром, толокой и посевами трав, приусадебными землями и одворицами (проулками и заулками – А.Г.);
- б) площадью заливных и незаливных сенокосов;

Учету при обложении подлежал рабочий скот в рабочем возрасте и крупный рогатый скот, старше 2 лет.

В целях облегчения уплаты налога семьям, члены которых находились на действительной службе в Красной Армии и флоте, предоставлялись следующие льготы:

а) при учете едоков в хозяйстве для исчисления налога, причитавшегося с их хозяйства, зачислялись в число едоков семьи все состоящие на службе красноармейцы, причем курсанты и лица командного состава, до командира батальона включительно, принимались *за два едока каждый*;

б) семьи состоявших на службе в Красной Армии и флоте лиц, не имевшие в своем составе трудоспособных членов мужского пола, освобождались от уплаты всего причитавшегося с них налога, если на их хозяйства приходилось менее 2 – 2,5 десятины облагаемой площади земли;

в) семьи лиц, состоявших на службе в Красной Армии и флоте, имевшие облагаемой площади менее 11 десятин на хозяйство, освобождались от 3/4 налога;

г) семьи инвалидов Гражданской войны, семьи красноармейцев, находившихся в плену, и семьи милиционеров пользовались теми же льготами по налогу, которыми пользовались и семьи красноармейцев, состоявших на действительной службе.

Составление поселенных налоговых списков с установлением для каждого хозяйства объектов и признаков обложения единым сельскохозяйственным налогом – пашни, посевов, сенокоса, едоков, скота, производилось волостными исполнительными комитетами и сельскими советами в срок до 1-го июня 1923 года.

Плательщики обязаны были приступить к сдаче налога тотчас же после уборки урожая и предъявления им окладных листов. Сдача производилась в несколько сроков. Граждане, не уплатившие налога, несли личную и имущественную ответственность в судебном и административном порядке. На неуплаченную в установленные сроки часть налога начислялась пеня. Подача жалоб взыскания налога не приостанавливала.

Тверская губерния вошла в список губерний, областей и автономных республик, в которых была установлена *денежная форма налога*. Для того чтобы перейти к денежной форме налога, нужны были новые советские деньги. Нужно отметить, что после Октябрьской революции 1917 года все царские деньги и деньги Временного правительства были уничтожены. Право выпуска денег от имени правительства Советской России было передано не только Народному комиссариату финансов, но и местным органам советской власти. Эти деньги выпускались на любой имеющейся бумаге, даже на винных этикетках. На них писали номинал, слово «обеспечено» и ставили печать губернского или уездного исполкома. Так продолжалось почти до середины 1920 года.

На основании декрета Совнаркома от 4 марта 1920 года начали выпускать в обращение новые советские денежные знаки достоинством в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10000 рублей. Денежные знаки старых образцов сохраняли платежную силу и имели хождение наравне с новыми советскими знаками [25].

Обесценивание денег было в таких масштабах, что финансисты не могли вести их счет, в обороте страны вращались триллионы различных денежных советских знаков. Чтобы навести элементарный порядок в денежном обращении, в октябре 1921 года был учрежден Государственный банк, которому поручили проведение денежной реформы.

В ноябре 1921 года была проведена первая деноминация, во время которой денежные советские знаки 1922 года обменивались на все прежние знаки из расчета 1 знак за 10 тысяч прежних знаков.

В декабре 1922 года провели вторую деноминацию, когда 1 знак 1923 года обменивали на 100 знаков 1922 года. Государственный денежный знак СССР 1923 года достоинством в 10 тысяч рублей был изготовлен на бумаге, с указанием номера на каждой купюре и с подписями Народного комиссара финансов и кассира.

В октябре 1922 года в оборот был введен червонец, который соответствовал 10 новым рублям. Он имел золотое содержание наравне с дореволюционной золотой монетой – 7,74 грамма чистого золота. Одновременно с золотым червонцем в обращении находились советские знаки образца 1922 и 1923 годов, которые ходили в деревне, там червонцев не было.

В марте-апреле 1924 года выпуск советских денежных знаков был прекращен, взамен выпустили бумажные рубли номиналом в 1, 3 и 5 рублей, а также серебряную и медную разменные монеты. Например, 3 копейки 1924 года выпуска были изготовлены как монетой, так и на бумаге, где было написано, что они «имеют хождение наравне с серебряной монетой».

Официально один рубль выпуска 1924 года обменивался на советские знаки выпуска 1923 года номиналом в 50 тысяч. Советские денежные знаки обесценивались катастрофически. Фактически на 1 января 1924 года один бумажный рубль стоил 30 тысяч советских знаков, а к 13 января 1924 года – 46 тысяч советских знаков. На 13 февраля 1924 года один бумажный рубль равнялся 120 тысячам советских денежных знаков.

Чтобы подвигнуть крестьян расстаться с оставшимися у них золотыми монетами царской чеканки Народный комиссариат финансов поручил уездным исполкомам провести покупку этих монет:

– за полновесную десятирублевую монету царской чеканки платить наличными деньги в сумме 9 руб. 75 копеек;

– за пятирублевую монету царской чеканки платить наличными деньгами в сумме 4 руб. 84 копейки.

Все операции по покупке царских золотых монет проводили государственные трудовые сберегательные кассы.

Таким образом, после объявления новой экономической политики и проведения денежной реформы 1922—1924 годов, основной формой расчета за работу, промышленные товары и продукты питания, как и до Октябрьской революции 1917 года, вновь стали деньги.

«Я с ума не сошел, чтобы давать циркуляр об истязаниях крестьян».

А. Д. Цюрупа.

Введение в действие единого сельхозналога (1924 год)

Таким образом, взяв курс на развитие товарно-денежных отношений, с 1 января 1924 года государство заменило продналог единым сельскохозяйственным налогом, который стал взиматься в денежном выражении. Этот налог в среднем составлял до 5% от дохода крестьянского хозяйства.

Среди прямых денежных налогов для частных крестьянских мелких промышленных и торговых предприятий был введен единый промысловый налог из расчета 3% с оборота в госбюджет, 3% в местный бюджет и 1% в пользу голодающих, всего 7% с оборота. Полностью освобождались от промыслового налога все сельские кооперативы с оборотом не свыше 20 тысяч рублей в год.

Центральный исполнительный комитет СССР своим декретом от 27 июля 1923 года предоставил некоторые льготы крестьянам в связи с введением единого сельскохозяйственного налога. В этом нормативном акте государства было заявлено, что закон о едином натуральном налоге являлся началом основной реформы в области налогового законодательства в деревне. Польза этого закона для крестьянского хозяйства была понята населением, и оно встретило его сочувственно. Громадное большинство крестьянства сдало натуральный налог в новой облегченной форме полностью.

Закон о едином сельскохозяйственном налоге дает крестьянину возможность заранее знать всю сумму причитающегося с него прямого обложения и иметь дело только с одним сборщиком. Предоставляемое плательщику право уплаты части налога деньгами сократит издержки крестьянина по взносу налога и даст возможность избрать более выгодную для него форму уплаты.

Вводя в жизнь новый закон, упрощавший и твердо ограничивавший обложение крестьянства, предоставлявший ему значительные льготы, Рабоче-крестьянское правительство, призывало все крестьянство советских республик к выполнению революционного долга по укреплению хозяйственной мощи страны, полностью и в срок выполнить налоговые обязательства.

Сознавая затруднительность для беднейшего крестьянства выполнения революционного долга, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров, в целях подъема хозяйственных сил страны, установил следующие льготы:

а) сложить полностью все числящиеся за населением недоимки:

– по натуральным налогам 1921 года;

– по временному налогу 1922 года на молочные продукты и яйца.

б) Сложить задолженность населения по всем семенным ссудам, выданным до 1921 года и по ссуде, выданной весной 1921 года.

в) Сложить задолженности по семенной ссуде, выданной осенью 1921 года и весной 1922 года, следующим категориям хозяйств:

– имеющим по 2 – 2, 5 и менее десятин облагаемой пашни, если в семье имелось лицо, состоявшее на действительной службе в Красной армии;

– беднейшим и наиболее малоземельным хозяйствам, особенно тем, в которых не было трудоспособных работников мужчин или рабочего скота;

– дать отсрочку выплаты до 1924 года задолженности всем хозяйствам, для которых, в силу хозяйственных условий 1923 года, уплата частично или полностью задолженности по семенной ссуде оказалась непосильной.

Декретом ЦИК СССР и СНК СССР от 30 апреля 1924 года было введено «Положение о едином сельскохозяйственном налоге» уже не на один год, а на последующие годы, начиная с 1924—1925 годов.

Обложению единым сельскохозяйственным налогом подлежали занимавшееся сельским хозяйством население, а также коллективные и советские хозяйства.

Плательщики единого сельскохозяйственного налога не облагались никакими иными падающими на сельское хозяйство налогами или сборами, *за исключением надбавки на местные нужды и платежей по обязательному окладному страхованию.*

Доходы сельского населения от торговли, промышленности и других источников, не связанных с сельским хозяйством, подлежали в общем порядке обложению, установленному на промыслы, торговлю и доходы.

Единый сельскохозяйственный налог исчислялся в золотых рублях и взимался деньгами.

Налог исчислялся и взимался с каждого отдельного хозяйства по количеству принадлежавшей ему по праву трудового пользования и арендуемой земли, а также по количеству рабочего и крупного рогатого скота. *За единицу обложения единым сельскохозяйственным налогом принималась десятина пашни.*

Облагаемый скот в хозяйстве приравнивался к пашне по соответствующим нормам пересчета, и полученное путем такого перечисления количество десятин прибавлялось к числу десятин облагаемой земли в хозяйстве.

В состав облагаемой земли включались:

– площадь пашни, занятая яровыми и озимыми полями, паром, толокой, посевами трав, риса, хлопка и других технических растений;

– сады, огороды, виноградники, ореховые, чайные и другие культурные насаждения, приусадебные земли и одворицы (проулки и заулки – А.Г.);

– площадь заливных и незаливных сенокосов.

В состав облагаемого скота включались лошади, волы в возрасте старше 3 лет и крупный рогатый скот, за исключением волов старше 1,5 лет, к 1-му апреля года, предшествующего окладному году.

Сумма налога по каждому хозяйству определялась по количеству имевшихся у него облагаемых земли и скота, выраженных в десятинах пашни или посева, в зависимости от количества едоков в хозяйстве. Ставки налога на данный окладной год устанавливалась по районам в зависимости от урожая текущего года и состояния сельского хозяйства, на основании чего данный район относится к тому или иному разряду по обложению.

Для обложения имеющихся в каждом хозяйстве земли и скота устанавливались три различных ставки с десятины в зависимости от приходящегося на едока количества облагаемой земли и скота, выраженных в десятинах пашни (посева):

а) по первой – наименьшей ставке на десятину облагалась первая наименьшая доля земли на одного едока в хозяйстве;

б) по второй – средней ставке на десятину облагался излишек земли сверх обложений по первой ставке, до установленного предела на едока в хозяйстве;

в) по третьей – наивысшей ставке на десятину облагался остальной излишек, сверх обложений по первой и второй ставкам.

В целях облегчения беднейшему крестьянству возможности восстановить и улучшить свое хозяйство устанавливались льготы:

а) совершенно освобождались от налога и надбавки к нему на местные нужды:

– все хозяйства, не имевшие облагаемого скота, если в этих хозяйствах имелось не более $\frac{3}{4}$ десятины облагаемой земли на едока в районах обложения по пашне и не более $\frac{1}{2}$ десятины в районах обложения по посеву;

– хозяйства, не имевшие работников и работниц, если они имели не более $\frac{3}{4}$ десятины земли (или полудесятины посева) на едока и одной головы облагаемого скота.

б) Хозяйства, не имевшие рабочего скота (лошадей или волов – А.Г.), если облагаемой земли в них не более $\frac{3}{4}$ десятины на едока в районах обложения по пашне и не более $\frac{1}{2}$ десятины в районах обложения по посеву, уплачивали налог и местную надбавку к нему в половинном размере.

Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 15 июля 1924 года были введены дополнительные льготы по единому сельскохозяйственному налогу в целях поощрения развития животноводства и в первую очередь разведения крупного рогатого скота.

Определение размера дополнительной скидки производилось в зависимости от общего состояния сельского хозяйства конкретной губернии, экономической мощности отдельных групп населения и степени развития животноводства.

По получении сообщения губернского исполнительного комитета о сумме скидок, установленной для определенного уезда, а также о категориях хозяйств, которым предоставляется льгота, уездные исполнительные комитеты и соответствующие им органы распределяли сумму скидок между отдельными волостями и указывали им порядок предоставления льгот плательщикам.

В партийных и советских документах первой половины 1924 года не было никаких указаний на усиление налогового нажима на частный сектор. Но объединение всех налогов в один денежный налог легло тяжким бременем на крестьян, оно было усугублено местными налогами и сборами, а также принудительной подпиской на крестьянский заем.

На XIV партконференции 27—29 апреля 1925 года был поставлен вопрос о сокращении единого сельскохозяйственного налога и более равномерном распределении его, в зависимости от доходности хозяйств. Предлагалось исключить из практики взимания налога наложение штрафов на неплательщиков и применение их ареста.

В апреле 1925 года на пленуме РКП (б) разрешили расширение применения наемного труда в крестьянских хозяйствах ввиду значительного избытка рабочих рук в деревне. На местах органам власти поручалось устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле, к развитию крестьянских промыслов, обеспечив их кредитованием и облегчая налоговое бремя.

7 мая 1925 года было принято «Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1925/1926 год», по которому общий объем налога был снижен на 40% в сравнении с предыдущим годом. Это Положение действовало до 25 апреля 1926 года, когда оно было заменено новым, усиливающим классовое расслоение в деревне. В новом Положении от 25 апреля 1926 года установили необлагаемый налогом минимум доходов по 28 рублей за год на каждую душу. Усилили прогрессивный налог, когда зажиточные крестьяне стали платить от 12% до 22% от совокупного дохода, а бедняки – от 2 до 4% от дохода.

«Помещичьи имения переходят в распоряжение Советов без всякого выкупа». Из декрета «О земле».

Конфискация земли и имущества

Ко времени свершения Октябрьской революции 1917 года помещики владели своими земельными участками более 300 лет, хотя площадь их сократилась в ходе реализации крестьянской реформы 1861 года. Удельные крестьяне, к которым относилось большинство тверских карел, являлись собственниками усадебных участков и полевых земельных наделов более 50 лет, с 1865 года. Большинство помещичьих крестьян за 20 лет до революции 1917 года успели расплатиться за земельные наделы, и тоже стали собственниками земли.

Крестьяне поверили лозунгу большевиков «Земля – крестьянам» и встали на их сторону, полагая, что земельные наделы останутся в их собственности, и их площади увеличат за счет помещичьих земель. Но они ошиблись, после 1917 года вся земля стала государственной, она передавалась крестьянам лишь в пользование.

Уже на второй день после победы Октябрьской революции 26 октября 1917 года в 2 часа ночи II Всероссийский съезд советов принял декрет «О земле»:

«1. Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2. Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3. Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и прочим» [26].

К «Декрету о земле» прилагался «крестьянский наказ», основными пунктами которого были:

- право частной собственности на землю отменяется навсегда;
- все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и другие, а также леса и воды переходят в исключительное пользование государства;
- весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или сельской общины без выкупа;
- наемный труд не допускается;
- земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение;
- земельный фонд подвергается периодически переделам в зависимости от прироста населения. Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, преимущественное право на получение их участков получают ближайшие родственники и лица по указанию выбывших [27].

Проект декрета «О земле» составил первый советский Народный комиссар земледелия Владимир Павлович Милютин, проработавший в этой должности всего 9 суток с 26 октября по 4 ноября 1917 года. В губернии были направлены эмиссары с инструкцией, подписанной Лениным и Милутиным. Они должны были собрать информацию, как принят декрет «О земле» крестьянами на местах [28].

В день отставки народного комиссара земледелия Милютина 4 ноября 1917 года, В. И. Ленин предложил на этот пост левого эсера А. Л. Колегаева [29].

Назначенный 24 ноября 1917 года вместо Милютина Народным комиссаром земледелия левый эсер Андрей Лукич Колегаев на другой же день разослал телеграммы всем губернским и уездным земельным комитетам. В них новый нарком еще раз подтверждал главные положения декрета «О земле», а именно:

- все земли с живым и мертвым инвентарем, служебными, жилыми постройками, продуктами объявлялись народным достоянием и поступали в ведение земельных комитетов;
- частная собственность на землю полностью отменялась;
- уничтожение, разгромы, поджоги и расхищение помещичьих имений, инвентаря, построек, продуктов признавались, как огромный вред и убыток самому трудовому крестьянству. Поэтому земельные комитеты должны были принять все меры к охране в целостности имущества в интересах трудового народа.

29 ноября А. Л. Колегаев уволил некоторых специалистов в области земледелия, в том числе А. В. Чайнова, за отказ работать вместе с Совнаркомом по проведению в жизнь постановления о передаче земель в ведение земельных комитетов [30].

Таким образом, советская власть провела конфискацию земли у бывших помещиков, монастырей и церквей, то есть принудительное и безвозмездное изъятие ее у собственников. Значительная часть дворянских усадеб была сожжена и разграблена крестьянами в 1917—1918 годах. Наркомат земледелия в 1918 году установил выселение помещиков, как в судебном, так и в административном порядке. Разрешили оставлять на местах тех помещиков, которые не проявляли контрреволюционных выступлений против советской власти, при ограничении их земельных участков трудовыми нормами с обязательством вести хозяйство без применения наемного труда.

На практике крестьянам дополнительно распределили для пользования около 90 млн. десятин из 150 млн. десятин отобранной земли. Из них около половины земли было отобрано у самих крестьян, которые ранее купили земельные участки на свои деньги или получили их при выходе на хутора и свои отруба в ходе аграрной реформы П. А. Столыпина. Бедняки и батраки дополнительно получили к своим наделам по 1—1,5 десятин земли, что для них при отсутствии сельскохозяйственных орудий и инвентаря сыграло незначительную роль.

С другой стороны действительно трудовые хозяйства зажиточных крестьян уже в 1918—1919 годах подверглись земельному и инвентарному раскулачиванию в результате передела земли. Деревня значительно потеряла из-за этого свою дореволюционную производительность и товарность хлеба и сельскохозяйственных продуктов.

В «Крестьянском наказе», вошедшем в Декрет о земле, было записано, что право частной собственности на землю отменяется навсегда. Вся земля обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование крестьянам и другим лицам, которые обрабатывали ее своим трудом.

Декрет о земле одним росчерком пера уничтожил результаты всей выкупной кампании крестьян по реформе 1861 года. За выкуп одного надела крестьянин Тверской губернии заплатил 150 рублей и стал собственником этого надела. После 1917 года оказалось, что три предыдущих поколения крестьян, экономя на питании и одежде, выкупали напрасно эти земельные наделы. Они смогли ими воспользоваться, как собственники, всего 20—30 лет, в зависимости от срока окончания выкупа наделов каждой сельской общиной. Узнав о декрете, крестьяне ожидали, когда советская власть заключит с ними купчие на гербовой бумаге с печатью на их наделы, еще не осознавая, что земля им уже не принадлежит.

Таким образом, выдвигая революционный лозунг «Земля – крестьянам», после Октябрьской революции 1917 года большевики на деле лишили крестьян их собственности на землю, доставшейся им путем длительного денежного выкупа, то есть фактически обманули неграмот-

ных крестьян. Объявив диктатуру пролетариата, большевики всеми силами препятствовали и не допустили для защиты крестьян создания Крестьянской партии или Крестьянского союза, хотя в России тогда было около 90% крестьян.

Беда деревни после Октябрьской революции 1917 года была в том, что советская власть боролась с сельской общиной. Во время неурожая, пожара, падежа скота или при стихийном бедствии община выделяла бедной семье хлеб из хлебного магазина и помогала крестьянину работой и другими способами. После революции все общинные связи были нарушены, крестьянин мог надеяться только сам на себя и свою семью.

Формально сохранялась форма местного самоуправления – сходы, на которых допускались все члены крестьянского двора, в том числе и женщины. Женщины-активистки собирались на сход, как на праздник. Вместо повседневных рабочих фуфаек они надевали плюшевые черные жакетки, головы повязывали серыми или коричневыми шерстяными полушалками. Но сходы были далеки от праздничного состояния.

Формальность заключалась в том, что сход, хотя и признавался высшим органом деревенского самоуправления, но на деле он не имел права решать основные вопросы жизни деревни. Все права перешли в руки органов советской власти. Земельные переделы и земельные споры полностью решали созданные волостные и уездные земельные комиссии. Выдел из общины на хутора мог проводиться без всякого решения схода, обязательного в деревне до революции 1917 года.

Повсюду после Октябрьской революции происходило перераспределение земельных участков, *мерой распределения был едок*. По числу едоков делились пахотные земли, сенокосы обычно делили по количеству имевшегося в хозяйстве скота. Перераспределением земельных участков летом и осенью 1918 года занимались созданные советской властью комитеты бедноты (комбеды). Само существование комбедов было тесно связано с вооруженными продотрядами, на которые они опирались. После ликвидации комбедов в ноябре 1918 года, перераспределением земли стали заниматься волостные советы.

В деревнях из-за передела земли мужики не только спорили и ругались, а дрались кулаками и кольями, пускали в ход вилы, топоры и ножи. Жадность из-за земли одолевала их во время разделов на деревенских сходах. Одни кричали, чтобы бабам и девкам земли не давать, солдаткам тоже не давать. Другие говорили, что на сыновей давать, а на дочерей – нет. Иногда делили землю не по едокам, а по числу мужчин в семье. Получалось, что у одного в семье семь едоков, а ему давали три надела, у другого – пять едоков, ему давали четыре надела, а солдатке с шестью едоками всего один надел за мужа-солдата.

Малограмотные представители советской власти зачастую ссылались на дореволюционные законы и обычаи, когда женщину не признавали душой, и ей земли не полагалось. Бабы и некоторые обиженные мужики в жарких спорах и жалобах в вышестоящие инстанции доказывали, что землю полагается делить по числу едоков, а не по числу работников в семье, при этом не разделять сыновей и дочерей, давать землю на всех.

При делении участков земли во время переделов нередко использовали жребий, когда каждый участок был пронумерован, а домохозяева вытаскивали номер. Хотя этот дележ казался справедливым, но часто получалось, что лодырю доставался ухоженный, унавоженный участок, а трудолюбивому крестьянину – участок лентя, поросший бурьяном.

В деревнях говорили: *«Иван всю жизнь трудился на своей ниве, а Василий вечно был пьян. Потом комиссары прислали Декрет о земле, Васька стал председателем комитета бедноты, отобрал у Ивана его отруб, и тот стал нищим»*.

Действие комбедов привело к «двоевластию» с местными советами, поэтому к концу 1918 года они были распущены, многие их члены вошли в новые составы советов после проведения перевыборов.

В декрете Совнаркома РСФСР от 30 апреля 1920 года отмечалось, что производящиеся частые и бесхозяйственные переделы земли сопровождались понижением производительности сельского хозяйства. Поручалось в дальнейшем проводить переделы пахотной земли в сельских обществах только с разрешения местных земельных органов.

Частичные переделы пахотных земель могли быть разрешены волостными земельными комитетами:

- при предоставлении участков вновь организуемым хозяйствам;
- при отобрании излишков земли у отдельных землепользователей;
- в случае уклонения пользователя от улучшения и использования своего участка [31].

3 января 1921 года Совнарком РСФСР принял декрет «О реквизициях и конфискациях». Конфискации подлежали все хранящиеся у частных лиц без разрешения советской власти:

- платиновые, золотые и серебряные монеты, независимо от их количества;
- золото, серебро, платина и металлы платиновой группы – осмий, иридий, рутений и другие, в слитках и сыром виде, независимо от их количества;
- процентные бумаги, кроме тех, которым советской властью было присвоено обращение наравне с денежными знаками;
- бриллианты, алмазы и другие драгоценные камни, если они превышали 3 карата на одно лицо, а также жемчуг, превышающий 5 золотников на одно лицо.

В случае обнаружения у частных лиц значительных денежных сумм, внушающих подозрение в приобретении их спекулятивным путем, таковые подлежали принудительному внесению на текущий счет владельца в государственную кассу впредь до разрешения народным судом вопроса об их происхождении.

Народному комиссариату здравоохранения предоставлялось право реквизиции и конфискации предметов и имущества, необходимых для удовлетворения нужд, связанных с охраной народного хозяйства.

Народному комиссариату просвещения предоставлялось право реквизиции и конфискации следующего имущества:

- предметов старины или искусства, вывозимых за границу без разрешения, а равно брошенных владельцем;
- научных музеев, коллекций, лабораторий, библиотек, наглядных пособий, учебных книг;
- макетов, костюмов, декораций театральных постановок, представляющих художественно-историческое значение;
- музыкальных инструментов и принадлежностей к ним;
- предметов религиозного культа, имеющих историческое или художественное значение [32].

На основании отдельных декретов советской власти у населения также изымались мешки, мешочная ткань и шинели.

30 октября 1922 года был принят и введен в действие в декабре того же года Земельный кодекс РСФСР. *Он законодательно закрепил отмену права частной собственности на недра, воды и леса в пределах РСФСР. Земля перешла в собственность государства, она оставалась в пользовании крестьян в пределах имевшейся площади усадьбы и полевого надела.* Сдача крестьянином участка земли в аренду разрешалась на срок не более одного севооборота, или на три года при трехпольном севообороте и четыре года при четырехполье.

Всем гражданам РСФСР, желающим обрабатывать землю своим трудом, было предоставлено право бессрочного пользования землей. В случае временного ослабления крестьянского хозяйства допускалась трудовая аренда земли, когда ее обрабатывал сам арендатор. Применение наемного труда допускалось в том случае, когда трудовое крестьянское хозяйство не могло

своевременно самостоятельно выполнить сельхозработы при условии непосредственного труда самого нанимателя.

В декрете ВЦИК от 15 ноября 1922 года «Об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений» подчеркивалось, что выселенные из имений помещики навсегда утратили какие-либо права на свои имения, и всякое домогательство их о восстановлении права на эти имения полностью или частично, подлежат решительному отклонению. Этим же декретом воспрещалось отбирать у бывших помещиков земельные наделы, предоставленные им советской властью в трудовое пользование.

Органы советской власти вновь стали искать, у кого и чем можно было поживиться, издав новый декрет о конфискации земель и имущества у оставшихся помещиков и зажиточных крестьян, а самих их выселить. Бывшие помещики, оставшиеся в своих имениях, были переведены в статус крестьян, таковых к 1925 году оставалось в пределах 10% от дореволюционной численности, они были, прежде всего, из числа мелкопоместных помещиков. Уже само происхождение их ставило в ряд «лишенцев», не имеющих политических прав и гарантий.

31 мая 1924 года Наркомат земледелия направил в губернии циркуляр «О предоставлении сведений о бывших частных землевладельцах (помещиках), оставленных в прежних их имениях». В циркуляре отмечалось, что оставление бывших помещиков в прежних имениях в 1918 году допускалось в виде исключения. Мера эта не могла и не должна была иметь сколько-нибудь широкого распространения. С опубликованием Земельного кодекса, – указывали в циркуляре, – всякого рода исключения в земельном пользовании потеряли свою силу.

Наркомат земледелия потребовал из всех губерний предоставить сведения о бывших помещиках, оставленных в прежних имениях, а также о бывших землевладельцах, которым земли были отведены вне пределов их губерний.

В ноябре 1924 года нарком земледелия РСФСР, уроженец деревни Никола Васильевской волости Тверского уезда Тверской губернии, Александр Петрович Смирнов направил в свои низовые структуры приказ, в котором требовал ускорить работы по выселению бывших помещиков, чтобы они были закончены с уборкой урожая 1925 года, при проведении этих работ:

1. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, пользующихся землей в бывших своих имениях единолично или в составе артелей, и не оформивших своих прав, выселить в административном порядке.

2. Всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, всеми правдами и неправдами оформивших свое право на землю, выселить из их бывших имений, используя для этого все имеющиеся в вашем распоряжении средства.

3. Выселение не должно влечь никаких расходов и возмещений со стороны правительства.

4. Выселяемые в этом порядке земледельцы-кулаки могут быть вновь наделены землей лишь за пределами своих губерний.

20 марта 1925 года было опубликовано постановление Президиума ЦИК и Совнаркома СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». На его основании у помещиков из дворян конфисковали все имущество, за исключением урожая, а они сами выселялись за пределы губерний. Советская власть обосновала это выселение «непримиримо-враждебным отношением» к ней со стороны бывших помещиков.

До издания этого постановления о выселении бывших помещиков, их надлежащего учета со стороны представителей советской власти в Тверской губернии не было.

Во исполнение постановления Президиума ЦИК и Совнаркома СССР от 20 марта 1925 года, на основании протокола уездной рабоче-крестьянской инспекции от 12 августа 1925 года с территории Бежецкого уезда Тверской губернии было выселено шесть семей бывших дворян и одна крестьянская семья. Среди них:

– семья крестьянки деревни Бережки Бежецкой волости Боткиной Татьяны Николаевны, к моменту выселения земли не имела. Я не исключаю, что Т. Н. Боткина приходилась родственницей промышленника В. П. Боткина, имевшего до революции в Бежецке крупнообдирный завод;

– семья дворянки Куторга Елены Александровны из деревни Загранье Молоковской волости, до революции имела 150 десятин земли;

– семья дворян Мартьяновых из деревни Илково Краснохолмской волости, до революции имели 81 десятину земли;

– семья дворянки Бестужевой-Рюминой из сельца Бестужевское Максатихинской волости, до революции имели 600 десятин земли;

– семья дворян Гагман с хутора Крутой Краснохолмской волости, до революции имели 156 десятин земли;

– семья дочери чиновника дворянки Мальковской из села Рыбинское Максатихинской волости, до революции имели 300 десятин земли. Эти две семьи были выселены по решению Тверской губернской рабоче-крестьянской инспекции от 26 октября 1925 года.

По Бежецкому уезду были оставлены проживать в своих бывших имениях 14 семей, из них 12 крестьянских семей и 2 мещанские семьи. Среди семей, оставленных проживать в своих домах, была семья П. Н. Серова из деревни Панцино Бежецкой волости [33].

14 января 1928 года заведующий Тверской губернской рабоче-крестьянской инспекцией Беликов сообщал своему руководству, что с 1925 года по Тверской губернии было намечено выселить 155 семей бывших помещиков. Из них оставлено на местах 25 семей, выселено 130 помещичьих семей, о месте их проживания сведений не имеется. У этих 130 семей бывших помещиков отобрано 3,1 тысячи гектаров земли, построек и имущества на сумму 141,1 тысяча рублей, сельскохозяйственного инвентаря и машин на 9,2 тысячи рублей, скота на 7,3 тысячи рублей.

Из отобранной земли 45% передано в трудовое пользование, 25% – в арендное пользование, прежде всего, крестьянским комитетам общественной взаимопомощи. Половину строений ликвидированы или подлежат ликвидации, 25% строений эксплуатируется, как государственное земельное имущество. Половину инвентаря и скот были переданы в действующие коммуны и другие кооперативные хозяйства, другая половина инвентаря была ликвидирована путем продажи. Не было никаких сведений еще о 33 помещичьих семьях на территории Тверской губернии [34].

Сведения об изъятом имуществе, очень далеки от реальности, к тому времени имения были разграблены, многие постройки растащены, никто не учитывал этот скрытый передел имущества помещичьих хозяйств, много чего попало в руки тех, кто осуществлял сам передел бывшего помещичьего имущества.

Глава II. Тверская деревня в годы НЭПа

*«Недовольство крестьян отмечается повсеместно».
Из донесений ОГПУ.*

Положение тверской деревни в 1922—1923 годах

На заседании Тверского губисполкома был заслушан доклад Тверской губернской прокуратуры за период с августа 1922 по октябрь 1923 года. В докладе указывалось, что при населении 2 109 860 человек в Тверской губернии имелось 5,6 млн. десятин пахотной земли. Крестьянское население составляло 1 972 499 человек, оно проживало в 366 622 крестьянских дворах.

Трудоспособных крестьян насчитывалось 987 719 человек, на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем по 5,4 едока и по 2,7 трудоспособных работников.

Общая площадь крестьянских наделов после Октябрьской революции 1917 года по Тверской губернии увеличилось с 49,7% до 63,3% к общей земельной пахотной площади. До революции средняя норма обеспеченности крестьянского двора землей всех видов культурных угодий составляла 9,5 десятин, в 1923 году – 8 десятин земли. В том числе усадьба составляла 0,33 десятины, пашня 3,7 десятины, сенокос – 4 десятины. Причины понижения надела объяснялись возвращением из городов в деревню крестьян и, в связи с этим, разделами крестьянских дворов на ряд самостоятельных хозяйств.

В годы Гражданской войны и после нее в деревню из городов хлынули потоки населения. Вернулось много отходников, годами постоянно проживавших в городах, так как там не стало работы, было голодно, а в деревне в это время проводились переделы земли. Возможность получить наделы за счет раздела своего хозяйства и за счет отобранных помещичьих, церковных и монастырских земель, приводило к распаду больших семей. Вернувшиеся крестьяне и молодые семьи требовали от родителей и родственников раздела, поэтому земельные наделы мельчали, на каждое хозяйство стало приходиться меньше скота и сельскохозяйственного инвентаря.

После законодательного разрешения Земельным кодексом пользования различными формами земельных участков, вновь начался отход крестьян на хутора и отруба. Отруб, в отличие от хутора, выделялся из общинной пахотной земли для передачи в личное пользование крестьянина без переноса его усадьбы из деревни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.